

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**КОНСТАНТИН
СОЛОВЬЕВ**

**РАУБРИТТЕР II
SPERO**

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Константин Соловьёв

Раубриттер II. Spero

«Эксмо»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соловьёв К. С.

Раубриттер П. Spero / К. С. Соловьёв — «Эксмо»,
2022 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-04-168281-1

Боевая антиутопия, меха с роботами-рыцарями и славными героями, которые не прочь захватить власть или пройти тяжелый путь исправления совершенных ошибок. Судьба не очень ласково обошлась с маркграфом Гримбертом, прозванным недругами Туринским Пауком. Погрязший в паутине интриг, он в какой-то миг утратил осторожность - и очень об этом пожалел. Подвергнутый императорской опале, оклеветанный, низложенный, Гримберт потерял всё, что прежде имел и чем дорожил. Свои фамильные владения, цветущую Туринскую марку. Свой рыцарский доспех, блистательный "Золотой Тур", исполинскую боевую машину, равной которой не было в восточных землях. Титул, вассалов, состояние, честь... Он потерял всё, включая свои глаза. Теперь он не всемогущий владетель чужих судеб, а нищий калека. Если что-то и заставляет еще биться сердце в его груди, так это надежда на то, что ему удастся поквитаться с людьми, превратившими его жизнь в бесконечный кошмар. Вот только даже первый шаг на пути мести больше похож на самоубийство, ведь тянется он через смертоносные Альбы, древние и страшные горы, выжить в которых суждено не каждому зрячему... «Spero» — вторая книга трилогии «Раубриттер».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168281-1

© Соловьёв К. С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Константин Соловьёв

Раубриттер II. Spero

© Соловьёв К.С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*«Надежда – невидимое богатство, несомненное владение
сокровищем прежде получения сокровища».*

Иоанн Лествичник

Часть первая

Дверь распахнулась так внезапно, что Гримберт не успел даже отнять от нее кулака. Напряженные для очередного удара пальцы ощутили перед собой пустоту, и в этой пустоте, как в вакуумном пространстве, он отчетливо ощутил тревожное биение собственного сердца.

Раньше ему редко приходилось самому касаться дверной рукояти – к тому моменту, когда он подходил, та уже оказывалась услужливо распахнута рукой слуги или оруженосца.

– Ну, ты, бездельник! – спросил человек, открывший дверь. – Чего скребешься поутру? Почто мешаешь спать честному христианину?

Голос у него был тяжелый и грубый, немного скрипящий, под стать самой двери. Но если дверь Гримберт успел ощупать, ощутив пальцами грубо сбитые доски, по части внешности хозяина дома ему оставалось только догадываться.

– Доброго дня, хозяин, – громко произнес он, обращаясь к тому месту, где должна была находиться голова собеседника. – Да принесут ангелы Господни радость под сень этого дома!

Радостью под сенью этого дома не пахло, это он ощутил сразу же, едва лишь распахнулась дверь. Пахло затхлостью, сырым углем, конским навозом и жухлым сеном. Словом, почти так же, как в любом доме Бра. Разве что в этот раз к запаху примешивался тонкий аромат винной кислоты – привкус чужой брезгливости.

– Пусть приносят, главное, чтоб под дверь не насрали. Я что, похож на человека, подающего милостыню?

Гримберт ощутил облегчение – этот голос он узнал сразу же. Скрипучий, недобрый, он напоминал рокот старого двигателя, который отработал много лет без перерыва, но который еще каким-то образом продолжает работать, несмотря на ржавчину и износ. Даже легкая напевность, которую Гримберт машинально определил как иберийский акцент, не придавала этому голосу мелодичности.

– Черт, да ты слепой... – к раздражению прибавилась легкая досада. – Все равно не подаю. Катись лучше к собору Святого Филиппа, может, заработаешь пару грошей. Только лучше бы тебе успеть до конца утренней службы, а то больно уж много вашей публики на паперти. Уж чего-чего, а калек в этом городе хватает...

Чувствовалось, что хозяин крепко не в духе, говорил он сквозь зубы, а свет новорожденного дня, который Гримберт ощущал на лице теплым медяком, дарил ему не столько радость, сколько головную боль. Скорее всего, лишний кувшин вина, опрокинутый им вчера в трактире, не пошел во благо.

Гримберт машинально коснулся свободной рукой, в которой не держал клюку, лица. Проклятый жест, от которого ему не удалось избавиться за долгое время. Пальцы коснулись заско-рузлой тряпицы, намотанной вокруг глаз.

– Я не прошу милостыню, – смиренно произнес Гримберт. – Ты ведь Берхард Однорукий?

Еще несколько секунд тишины. Каждая из которых показалась Гримберту тяжелым жерновом, дробящим его кости. От этого ожидания отчаянно зудели воспаленные швы под робой, заставляя его крепко стискивать зубы.

– А тебе-то что?

Гримберт улыбнулся. Еще на рассвете он умылся из придорожной канавы и натер зубы песком, чтобы сделать улыбку хоть сколько-нибудь привлекательной. Не самое простое занятие, когда лишен возможности увидеть свое отражение, но он надеялся, что это сделало его лицо, покрытое уличной пылью, хоть сколько-нибудь заслуживающим доверия.

– Если ты Берхард, я хочу предложить тебе сделку. Выгодную сделку.

Берхард высморкался звучно и обстоятельно.

– Сделка? – судя по влажному шлепку, плевок угодил в локте от ног Гримберта. – Какой мне прок от сделки со слепым, скажи на милость? Будешь высматривать, с какой стороны встает солнце? Может, мне еще нанять безногого, чтоб бегал для меня за водой?

Немолод, машинально отметил Гримберт. Немолод и невоспитан. Добродетели в нем не больше, чем в голодной крысе, подбирающейся к рассеченному животу умирающего. Таких пруд пруди в любом городе, и Бра не исключение. Проклятая уличная порода. Проклятый город.

Словно уловив его мысль, город будто в насмешку издал новую порцию вибраций, подтверждающих, что в его каменных недрах, необъятных, как у библейского чудовища, уже зарождается свежая утренняя жизнь, сбрасывая с себя ночное оцепенение. Гримберт не мог видеть его обличья, но обоняние и слух фиксировали все эти бесчисленные сигналы, вызывавшие в его теле подобие болезненной судороги.

Звон конских подков по щербатой мостовой. Треск старых дверей. Скрип телеги угольщика. Залихватский мальчишечий свист. Протяжное хлопанье ставен. Сонные, наспех брошенные ругательства. Куриное кудахтанье. Звон кочерги в печи. Звон разбитого стекла. Хриплый петушиный возглас.

Бра просыпался, гремя на тысячи голосов, скрипя, ворча, кляня жизнь, треща старыми дверями, звеня колодезными цепями, стряхивая с крыш жухлую солому, грохоча сапогами и наполняя улицы колючим людским гомоном, перед которым Гримберт ощущал себя особенно беззащитным.

– Мне не нужны деньги, – произнес он. – Напротив. Это я готов заплатить тебе.

Человек, которого звали Берхардом, судя по всему, не был самым большим умником в Бра. Гримберту показалось, что он слышит скрип тяжеловесных шестерен в голове у собеседника. Шестерен более старых, чем ратуша этого жалкого городишки.

– Заплатить мне? Это за что же ты хочешь мне заплатить, слепец?

Нужные слова были заготовлены загодя и ждали своей очереди, как снаряды в боеукладке. Но, прикоснувшись к ним, Гримберт ощутил под языком кислый металлический привкус. Обратного пути не будет, господин маркграф. Ты знал это еще до того, как твой кулак коснулся двери.

– Мне нужен человек, который отведет меня к Бледному Пальцу, – твердо произнес он. – Говорят, ты хорошо знаешь Альбы. Я готов нанять тебя в качестве проводника.

По заведенной издавна традиции туринские палачи, завязав жертве глаза и уложив ее голову на плаху, не сразу обрушивали на ее шею удар топора. Они нарочно долго проверяли оружие, без всякой необходимости подтачивали лезвие и совершали множество бессмысленных с точки зрения собравшейся публики действий. Они знали то, что испокон веков знают люди их профессии – ожидание может быть мучительнее, чем самый изощренный мастер пыточных дел. К тому моменту, когда топор наконец был занесен, многие несчастные успевали обмочиться от страха или поседеть на глазах у собравшихся.

Теперь Гримберт знал, каково это. Каково скорчиться в полной темноте, ощущая на глазах плотную повязку, и с замиранием сердца считать секунды, не зная, что тебя ждет – резкий свист отточенного до желтизны лезвия или топот шагов глашатая, спешащего огласить указ о помиловании. Гримберт мрачно подумал о том, что в его случае глашатай едва ли пригодится. Даже если с его глаз сорвут повязку, в окружающем мире от этого светлее не станет. Этот мир был погружен в темноту уже навсегда.

– Я что, похож на поводыря? – раздраженно рыкнул Берхард.

– Ты похож на человека, который хорошо знает Альбы.

– Вот именно, дурак ты набитый. Будь у меня железные сапоги, я бы их уже трижды стоптал об эти чертовы камни!.. Но я еще не выжил из ума, чтобы тянуть в горы слепого!

– Я слышал, ты лучший гонец в Бра. Знаешь каждую складку и каждый камень. За день можешь доставить письмо из Тестико в Вазию. Мне нужен именно такой человек, чтоб добраться до Бледного Пальца. И я готов заплатить. Семьдесят полновесных денье имперской чеканки.

* * *

Он на ощупь достал несколько шербатых монет и покрутил в пальцах. Прохладное серебро приятно охладило внезапно вспотевшую ладонь.

Берхард долго молчал. Гримберт напряженно слушал его хриплое дыхание, пытаясь понять, о чем тот думает. Судя по голосу, этот человек немолод. В Бра не так много фабрик, как в прочих городах Салуццо, оттого воздух относительно чист, иногда на здешних улицах можно встретить даже пятидесятилетних стариков. Сколько ему? Сорок? Сорок пять? Не тот возраст, когда серебро туманит разум. К тому же жадные люди редко возвращаются из Альб живыми. Нет, алчность – едва ли та наживка, на которую надо ловить этого мерзавца. Гримберт стиснул зубы. В его арсенале других сейчас не было.

– Ты когда-нибудь был в Альбах?

Вопрос был задан холодно, без любопытства.

– Что?

– Был когда-нибудь в здешних горах?

«Да, – хотел было сказать Гримберт. – Иногда мы с загонщиками отправлялись в предгорья Альб, чтоб затравить пещерного медведя или перехватить шайку контрабандистов, шныряющих горными тропами на границе Туринской марки».

Хорошее было время, веселое время. С контрабандистов сквайры заживо срезали кожу и прибавляли ее к окрестным деревьям. Окрестные рыцари шутили называли такие «Туринскими указателями».

– Нет, – смиренно ответил Гримберт. – Не приходилось.

Берхард презрительно фыркнул, и звук получился сухой, почти металлический.

– Эти горы убили больше народу, чем три последние войны и Железная Ярмарка. Они не любят дураков. А я буду крошечным дураком, если сунусь туда, да еще и со слепым на поводке. Да ты разобьешь себе голову о первый же столб, не дойдя до городских ворот!

– Я не стану обузой. – Гримберт позволил себе немного повысить голос: – У меня нет глаз, это верно, но голова как будто на месте.

– В таком случае ты сообразишь, как побыстрее убраться с моего порога.

Дверь захлопнулась с гулким деревянным стуком, похожим на тот звук, который при резком смыкании издает крышка гроба. Гримберт подался было вперед, рефлекторно пытаясь задержать ее свободной от клюки рукой, но потерял равновесие, споткнувшись о булыжник, и едва не упал. Обступившая его темнота гадливо засмеялась, сквозь этот смех лязг задвигающегося засова показался еще более тягостным звуком.

Вот и все. В теле вдруг закончились силы. Вытекли, как вода из треснувшего кувшина. Ноги загудели, будто им уже пришлось пройти сотни миль по острому горному камню, все сухожилия обмякли, перестав удерживать члены. В груди затрещали неправильно сросшиеся ребра, полыхнул огненной рекой растянувшийся на боку рубец.

«Болван. Болван. Проклятый болван».

Гримберт тяжело опустился на мостовую возле двери, пытаясь унять разыгравшееся сердцебиение и расслабить сведенные судорогой пальцы. Как обычно в такие моменты, вспыхнула сводящая с ума резь в глазницах, как будто там еще оставалось что-то, что могло болеть. Темнота заплясала вокруг, вызывая мучительное головокружение и слабость.

Гримберт изо всех сил стиснул деревянную рукоять своей клюки. Справиться с болью было непросто, однако возможно. Слабость тоже рано или поздно отступала – тело, хоть и порядком потрепанное, все еще было достаточно молодо, чтобы восстановить силы. Но против самого страшного своего противника, против темноты, он был бессилён.

Темнота была всевластна. Он не мог прогнать ее ни на миг, даже если бы поднес к лицу пылающий факел. Она не отступала, как трусливая ночь на рассвете, едва лишь заслышав крик петуха. Она утвердилась подобно тирану, окутав собой и поглотив все то, что было ему прежде знакомо. Предметы, которых он касался, состояли из темноты. Земля, по которой он шел, была темнотой. Люди, голоса которых он время от времени слышал, тоже были лишь сгустками темноты.

Самыми страшными были первые дни, когда он только учился осознавать это. Что темнота, окутавшая все вокруг, это не чудовище, вторгшееся в привычный ему мир. Отныне темнота – это и есть его новый мир.

«Спокойно, – приказал он себе. – Спокойно, ты, жалкое дрожащее отродье. Если бы ты отступал всякий раз, когда судьба подкидывала тебе подлость, ты бы и пятился всю жизнь, как речной рак».

Мысленно досчитав до ста и убедившись, что сердцебиение улеглось, Гримберт на ощупь уселся неподалеку от двери, устроился поудобнее на теплом камне и вытянул перед собой собранные горстью ладони.

Если вечная ночь и была способна чему-то научить, так это терпению.

* * *

К полудню ему удалось набрать лишь четыре оболы – жалкая цена за долгие часы, проведенные под светом яростного осеннего солнца, норовящего сжечь кожу даже сквозь тряпье на лице.

Возможно, этот Берхард был прав, мрачно подумал Гримберт, ощупывая пальцем сложный герб маркграфства Салуццо на теплом профиле монеты. Возможно, ему в самом деле стоило отправиться к собору Святого Филиппа. После утренней службы народ благодушен и куда охотнее делится медью, имея талант и такт, можно заработать до двух дюжин оболы. А это уже двенадцать денье по здешним меркам или целый гросс серебром.

Явите жалость к несчастному калеке, глаза которому выкололи мавры, но который по-прежнему взирает на мир с христианским смирением!..

С другой стороны... Гримберт зло хрустнул костяшками пальцев. С другой стороны, вместо горсти меди он мог получить кое-что иное. Сломанную руку или выбитые зубы. Несмотря на то, что Железная Ярмарка не собрала в тихом провинциальном Бра той жатвы, которую собрала во всем маркграфстве Салуццо, количество калек в городе было таково, что паперть перед собором Святого Филиппа нередко превращалась в поле настоящей битвы между увечными и калеками всех мастей.

Безрукие, безногие, истекающие гноем, с разбухшими чреслами и изувеченными лицами, они стекались к утренней службе подобно саранче, перекрывая проповедь священника своим злым клекотом. Соберись они все разом, уже могли бы идти маршем на Аахен – если бы только эта армия увечных смогла прошагать хотя бы арпан¹ в едином направлении...

Гримберт старался держаться подальше от прочих. Слепой человек в драке столь же беспомощен, как набитое тряпьем чучело против боевого рыцарского доспеха, это он уже успел понять на своей шкуре. Если в Бра и были существа более беззащитные, чем он сам, так это

¹ Арпан – средневековая мера длины, равная примерно 58,5 м.

химеры, но Гримберт скорее лишился бы второго легкого, чем вступил бы с ними в потасовку – одна мысль о прикосновении к химерам вызывала ужас.

Химеры никогда не толпились на паперти, клянча свою порцию меди. Их тела были слишком слабы для этого. Днем они прятались от жгучего солнца в погребах и подворотнях, чтобы вечером выползти на улицы, пугая прохожих монотонными стонами и испуская такие богохульства, что прочь бежали, подобрав рясы, даже церковные служки. И хоть Гримберт не видел их воочию, он машинально стремился убраться подальше, если слышал приближение химеры.

Услышав далекий колокольный звон, возвещающий обедню, Гримберт спрятал собранную медь в потайной карман на своей ветхой робе и на ощупь достал из котомки снедь – четвертушку ржаного хлеба. Хлеб был сухой, ломкий, как алебастр, наполовину состоящий из прогорклой целлюлозы, но Гримберт держал его крепко, как золотой слиток. Вырвать у слепого хлеб – тяжелый грех, но каждый бездомный знает, что голод куда как тяжелее.

Ел он медленно, экономя силы даже во время трапезы. Хлеб он отламывал маленькими кусками и отправлял в рот, позволяя тому пропитаться слюной и разжевывая до тех пор, пока жесткое крошево не таяло на языке, оставляя в желудке приятную сосущую тяжесть. Если Господь милостив, сегодня ему удастся найти на рынке пару гнилых картошек или брюкву. Если нет, остается шанс украсть горсть овса у лошадей возле трактира, размочить и съесть перед сном. Но Гримберт знал, что не пойдет ни к рынку, ни к конюшням. Сейчас у него была более важная забота, по сравнению с которой мерк даже голод.

Но как бы он ни был поглощен едой, скрип двери он расслышал совершенно отчетливо.

– Фурункул Святого Агриция! Какого дьявола ты околачиваешься возле моей двери?

– Жду, – покорно ответил Гримберт, пряча хлебную корку в рукав. – Мое предложение все еще в силе. Семьдесят денье серебром за то, чтоб ты отвел меня к Бледному Пальцу.

– Семь десятков денье, значит? То есть, выходит, один лиард с лишком?

– Один тройной денье, – подтвердил Гримберт, – И две монеты сверху. Ну как?

Со скрягами проще всего. Отблеск серебра туманит их мозг, смущает мысли, гипнотизирует волю. Однако он вынужден был признать, что этот Берхард, кем бы он ни был, не походил на скрягу. Нет, он определенно был прижимист и хорошо знал цену деньгам, как вся чернь на юге, однако в его голосе Гримберт не ощущал той алчности, на которой можно было сыграть. Осторожность в нем явно возобладала над жадностью, и неудивительно. Иные, должно быть, в Альбах и не выживают.

– Хочешь заключить со мной сделку? – хрипло осведомился Берхард. – Изволь. Могу пернуть тебе под нос, это будет стоить как раз семьдесят монет. И еще дам обол сдачи.

Он рассмеялся, искренне и протяжно, как полагается смеяться над славной изобретательной шуткой.

Гримберт стиснул зубы.

– Может, это и не сказочное богатство, но...

– Это не сказочное богатство, это горсть крысиного дерьма. За один удачный поход через Альбы я получаю полтора ливра.

Полтора ливра?.. Гримберт мгновенно перевел золото в серебро, сделав несколько нехитрых вычислений. Триста шестьдесят денье? За один поход? Черт побери, если это было правдой, та сумма, те семьдесят монет, что он предлагал, и в самом деле выглядели жалким подношением.

Жалким, как он сам – скребущийся в чужую дверь калека.

Нет, наверняка это ложь. Полновесный ливр за прогулку по горам?.. Зарабатывай Берхард своим ремеслом столько, давно перебрался бы в хижину получше, со стенами из настоящего гранита, а не скверного южного мергеля².

² Мергель – горная порода.

Ничего из этого Гримберт вслух не сказал.

Единственным, что подпитывало его измученное, замерзшее и истощенное тело, был огонек надежды в груди, похожий на пламя лампадки. Но этот крохотный огонек сейчас давал ему больше энергии, чем термоядерный реактор сверхтяжелого рыцарского доспеха.

– От тебя смердит, как от падали, – с нескрываемым отвращением произнес Берхард. – Гляди мне, будешь наседать – не посмотрю, что слепой, отделаю так, что и на сангвинарную фабрику не примут!

Гримберту потребовалась вся выдержка, чтобы не ответить дерзостью и сохранить почти-тельную позу. Может, этот Берхард и не большого ума, но он несколько лет возвращался живым из Альб, а это уже говорит о нем больше, чем любые титулы и звания.

– Избей меня, если хочешь. Но это ничего не изменит. Мне нужно к Бледному Пальцу.

Берхард сквозь зубы процедил короткое богохульство, недостаточно опасное, чтобы заработать Печать Покаяния, но вполне весомое, чтобы принести господину Безрукому серьезные неприятности, услышь его священник. Впрочем, Гримберт сомневался, что Святой Престол сильно озабочен своей паствой в Бра. В этом маленьком городке, примостившемся в предгорьях Альб, была всего одна церковь – еще одно подтверждение его удаленности от столицы маркграфства Салуццо.

– Что тебе до Бледного Пальца? – спросил он жестко. – Отвечай, увечный, или я не посмотрю на твою поганую морду и навешаю тумачков так, что всех святых вспомнишь!

Инстинкт самосохранения, похожий на воющую внутри кокпита сирену разгерметизации, требовал осторожности. Но Гримберт знал, что есть тактические ситуации, в которых уклонение лишь затягивает неизбежное. Когда на твой доспех обрушивается гибельный кинжальный огонь, отступление может быть фатальным. Нельзя подставлять уязвимые места брони. В такой ситуации единственный шанс победить – развернуться к врагу лицом и атаковать, используя всю доступную огневую мощь.

Гримберт сделал короткий выдох. У него больше не было орудий, не было многотонной машины, способной сминать стены. Но было то, что вело стального воина в бой.

– Мне надо то, что ты нашел у Бледного Пальца.

Берхард тяжело засопел.

– Это откуда же ты знаешь, что я там нашел, шельмец?

Еще два коротких выдоха, чтоб унять накотившую дрожь.

– Подслушал в трактире. Во «Вдове палача» два дня назад.

* * *

В животе образовалось на редкость гнетущее чувство. Даже вздумай он отшвырнуть клюку и пройтись по вершине городской стены, это и то не было бы вполноту опасным, как этот трюк.

Берхард заворчал, как ощерившийся уличный пес.

– Что-что?

Гримберт понял, что запас отпущенного ему времени совсем не так велик. А может даже, уже истёк до капли.

– Не специально, так уж вышло, – поспешно произнес он. – Вы с приятелями пили там вино, кто-то из них и сказал, мол, в Альбах много сокровищ спрятано, только некоторые таковы, что лучше к ним вовсе не прикасаться. Тут-то ты и сказал про Бледный Палец. Про свою находку.

– Шпионил, значит, крыса слепая? – хмуро осведомился Берхард. – Сам признался?

Гримберт покачал головой. Тяжело вызвать доверие у человека, когда половина твоего лица скрыта грязным тряпьем. Как сказал какой-то древний святой, глаза – зеркала души. Должно быть, душа слепого представляется людям чем-то вроде склепа...

– Не шпионил. Хозяин трактира иногда пускает меня по доброте душевной погреться в углу. Многие не обращают на меня внимания, сижу-то я тихо. Я слепой, но не глухой, с ушами у меня все в порядке. И я знаю, что ты нашел под Бледным Пальцем.

Какая-то сила взяла его за ворот треснувшего плаща и подняла так, что зубы невольно клацнули друг о друга, а мочевого пузырь тревожно заныл, точно оказался набит холодной скользкой галькой.

– Уходи, – тихо и почти монотонно произнес Берхард. – Бери свою клюку и проваливай отсюда подобру-поздорову. Понял?

– П-понял, – с трудом выдавил из себя Гримберт, едва размыкая спекшиеся губы.

– И лучше до темноты. Фонарей здесь нет, еще споткнешься, упадешь...

Берхард выпустил его, позволив упасть обратно на мостовую. И, поколебавшись, вернулся в дом. Вновь хлопнула тяжелая дверь.

«Ублюдок, – подумал Гримберт, пытаясь унять змеиную злость, скапливающуюся в ушибленном теле. – Полугодом ранее ты визжал бы от ужаса, извиваясь в руках сквайров и прося оставить ему на руках хотя бы по одному пальцу. Ты умолял бы показать его сиятельству маркграфу не только Бледный Палец, но и все, что тот пожелает. И господин маркграф позволил бы тебе это, прежде чем швырнуть в самую глубокую пропасть Альб».

Гримберт попытался унять ярость вместе с болью в ушибленных ребрах. «Спокойно, – приказал он себе. – Сейчас ты не можешь позволить себе такую роскошь. Может быть, потом. Если Господь явит свою милость, если все сложится наилучшим образом, если хотя бы в этот раз он сам не ошибется...»

Для успокоения тревожно вибрирующей души можно было бы прочитать несколько молитв. Некоторые молитвы с их мелодичной латинской напевностью при всей их бесполезности умеют настроить на сосредоточенный лад, например «Конфитеор» или «Агнус Деи». Но Гримберт не стал читать молитв. У него была своя собственная, которая не значилась ни в одном breviarii Святого Престола. Совсем короткая, состоящая из семи слов, она обладала свойством утешать его в минуты отчаянья и придавать сил в те мгновенья, когда все усилия казались тщетными.

Гримберт повторил ее про себя трижды и принялся готовиться к ночлегу.

Ночь обещала быть прохладной.

* * *

Сентябрь на северном побережье Лигурийского моря всегда был скверной порой года, скорее всего, из-за близкого расположения Альб. Днем стекающий с гор ветер нес в город сухость и жару, от которых кости в теле, казалось, трещат, как головешки в костре. Однако ночью холод брал свое, беря Бра в жесткую осаду и высасывая из его камня тепло до последней капли.

Ветхое тряпье не спасало от него, тупые зубы холода с легкостью проникали под тонкий плащ и терзали плоть так, что Гримберту хотелось грызть зубами камень. Ночной ветер, острый, как нож уличного разбойника, норовил вспороть тело от горла до паха и по-дьявольски скрежетал в печных трубах.

К тому моменту, когда в Бра заглянул рассвет, Гримберт ощущал себя так, словно всю ночь грузил на подводу мешки с камнями, а сил сделалось даже меньше, чем было прежде.

Рассвет...

Иногда Гримберту казалось, он бы отдал треть жизни за возможность увидеть, как над черепичными крышами Бра медленно встает солнце. Но в мире, сотканном из тьмы, больше не существовало рассветов. О наступлении утра он узнавал благодаря фабричному гудку, похожему на рев заточенного в камне исполинского чудовища, требующего утолить его голод.

Этот день был еще хуже вчерашнего. Медь куда реже звенела о камень, и даже когда звенела, чаще всего это оказывались не монеты имперской чеканки, а их обрубки, сохранившие едва ли половину веса, а то и вовсе железные обрезки, брошенные шутниками. Гримберт жадно хватал их, режа пальцы, и это должно было выглядеть ужасно забавно. Какой-то мальчишка, тоже шутки ради, бросил в него булыжник, но, по, счастью, не попал в лицо, камень лишь рассек скулу.

Хлеба больше не было. Гримберт напрасно шевелил челюстями, воображая, что жует, это не помогало унять муки голода, такие же тяжелые, как ночной холод. «Терпи, – шептал он сам себе. – Были времена, когда тебе было куда хуже».

Например, в тот день, когда он ступил на мостовую Арбории, впервые лишенный возможности ее видеть. На его лице была окровавленная тряпка, боль вгрызалась в мозг подобно обезумевшим хорькам, прокладывающим себе путь прямо сквозь глазницы. Оглушенный этой болью, он не сразу понял страшное. Что темнота, окружившая его, глухая, как колодец в беззвездную ночь, окончательная, как забытый людьми склеп, больше никогда не уйдет. Теперь он принадлежит ей душой и потрохами до конца своей жизни.

Он бросился бежать, налетая на прохожих, падая, вновь вскакивая и беспрестанно крича. За спиной ему мерещился топот погони – это слуги Лаубера бежали следом, чтобы закончить начатое. Графу Женевскому требовались не только глаза Гримберта. Ему требовались его печень и его желудок. Его уши и его гортань. Ребра и почки. Ему требовалось все, из чего состоял Гримберт, все до последней унции плоти...

Он бежал, не зная куда, пока не упал, окончательно выбившись из сил, исторгая из себя слезы и рвоту, как загнанная лошадь. Вокруг слышались смешки и ругательства на грубом лангобардском наречии, а он шарил вокруг себя руками, беспомощный, словно ребенок, еще не понимающий, не смилившийся, не способный понять в полной мере, что предыдущая жизнь кончилась, отгородившись от него тяжелым театральным занавесом, и актерам уже никогда не выйти на «бис»...

Дрожа от рассветного холода, Гримберт ждал одного-единственного звука. Скрипа двери. И дождался его.

В этот раз Берхард не выругался, лишь тяжело вздохнул.

– Еще одна ночь на улице – и сдохнешь, погань слепая, – бросил он хмуро. – Только вот не думаю, что ты опосля этого станешь лучше пахнуть...

– А от тебя несет вином, как от старой бочки, – ответил, лязгая зубами, Гримберт.

Если Берхард, разозлившись, треснет его кулаком в лицо, хуже не станет. По крайней мере на какое-то время он сможет забыть про холод.

– Если почувешь, что помираешь, отползи в канаву, что ли. А то пока тебя стражники уберут, на всю улицу смрад стоять будет.

– Обидно будет, если они прихватят причитающееся тебе серебро.

– Семьдесят денье? – усмешка Берхарда и сама походила на скрип несмазанной двери.

– Семьдесят денье – это только задаток.

Гримберт произнес это безразличным тоном, но внутренне сжался.

Это было похоже на выстрел в условиях плохой видимости. После того как гашетка нажата и тишину разрывает отрывистый выхлоп орудия, проходит около секунды, прежде чем «Золотой Тур» бесстрастно констатирует попадание или промах. Но в темноте время тянется дольше. Что его ждет? Попадание или промах?..

– Задаток, значит? – Берхард издал отрывистый смешок. – Ну, а что ж положишь наградой? Ключу твою, может?

Гримберт погладил отполированную ладонями рукоять посоха.

– Можешь взять и ее, если она так тебе ценна. А можешь взять баронскую корону.

Тишина. Гримберт стал отсчитывать удары сердца, чтобы не запаниковать в этой тишине – в сочетании с бездонной темнотой она была невыносима. Один, два, три... Из сердца получился скверный метроном, оно стало чересчур частить, разгоняя по венам потеплевшую кровь.

– Баронскую что?

– Корону, – повторил Гримберт. – Это стоит немного дороже сорока серебряных монет, не так ли?

Следующий отрезок тишины длился так недолго, что Гримберт не успел испугаться.

– Что это значит?

«Черт, – подумал Гримберт, – у этого парня в голове и верно прошлогоднее сено».

– Я могу сделать тебя бароном.

– Это как так?

Гримберт представил, как Берхарда окунают в чан с кипящей смолой. Это немного помогло сбросить звенящее в жилах напряжение. На миг он почувствовал себя почти уверенно. Это была его стихия, пусть испачканная и искаженная. Если он что-то и умел, так это играть с людьми, находя невидимые струны их душ. Это умение нельзя потерять так же легко, как глаза.

Гримберт медленно разматывал тряпку и снял ее с лица. Он ожидал услышать возглас отвращения со стороны Берхарда, но тот лишь коротко выдохнул. Что ж, следовало ожидать, что у человека, видевшего последствия Железной Ярмарки, крепкие нервы.

– Экая гадость, – только и буркнул тот. – Что я, безглазых не видал, что ли? Выйди на улицы после заката, такого насмотришься, что ложка в рот еще неделю не ползет. Или там химеры. Такие есть жуткие, что даже перекреститься мочи нет. А тут... На что мне тут пялиться?

– На это, – Гримберт отвел в сторону прилично отросшие волосы. Нечесанные и слипшиеся, они должны были походить на ключья старого сена, но блеск металла под ними наверняка все еще был хорошо различим. Платина не темнеет от времени. – Разъемы для нейро-шунтов. Знаешь, что это значит?

Гримберт стиснул зубы, услышав знакомый до дрожи скрип дверных петель. «Что ж, так и должно было все закончиться. Болван, круглый болван. Порвал единственную путеводную нить, которая по недомыслию Господа оказалась у тебя в руках. Теперь уже, конечно, можно не мозолить тощий зад брусчаткой. Проще дождаться гула первого грузового трицикла, ползущего по улице, – и под него. Головой вниз. Так, чтоб не успеть даже выдохнуть. А там...»

Когда рядом с ним кто-то заговорил, Гримберт от неожиданности едва не вскрикнул.

– Что ж вы это... сразу не сказали, значит. Пожалуйста внутрь, мессир рыцарь.

* * *

Дом у Берхарда оказался пустой, холодный. Гримберт ощутил это по отразившемуся от голых стен воздуху. Ни ковров, ни деревянных панелей. Мебель, если и есть, то немного. И еще – тот особенный запах, что сам собой возникает в долго стоящих пустыми помещениях. «Это не было жилищем семейного человека, – понял он, – никто не пытался любовно обустроить этот дом или хотя бы толком обжить. Едва ли хозяин испытывал к этому обиталищу теплые чувства, скорее, относился как рак-отшельник к своей раковине».

– Стула не дам, уж извини, – буркнул Берхард. – Воняет от тебя, признаться, как отдохлой лошади...

– Обойдусь.

Гримберт вспомнил, с каким почтением встречали его в замке слуги, подносявшие смоченные в укусе платки, прохладное вино и свежую одежду. Вспомнил – и едва сдержал злую змеиную усмешку. Берхард мог воспринять ее неправильно.

– Рыцарь, значит, а? Я сразу понял, что-то в тебе нечисто. Кожа запаршивленная, но какая-то уж больно чистая для бродяги. И говоришь как по писаному. У нас в Бра так не говорят.

«У нас в Бра». Иберийский говор настойчиво говорил о том, что сам Берхард заявился в маркграфство Салуццо издалека, но Гримберт решил, что сейчас не время поднимать этот вопрос. Были другие, куда важнее.

– Так ты хочешь стать бароном, Берхард?

Судя по звуку, Берхард озадаченно жевал губу.

– Это как взаправду? Бароном?

– Да. Взаправду. У меня достаточно высокий титул, чтобы сделать тебя бароном. Не в Салуццо, но... по соседству.

– Барон... – Берхард с такой жадностью произнес это слово, будто обсасывал сочную кость. – Это что же, значит, я смогу на серебряных тарелках жрать? И в лесу свободно охотиться? Вино пить, сладкое, как мед? Служанок драть, как благородный какой? И на улице мне кланяться будут?

Чернь, терпеливо напомнил себе Гримберт. Клятва, положение, вассальные обязанности – все пустой звук. Вот ее, черни, представление о титуле – возможность драть служанок на столе и жрать с серебряных блюд. Впрочем... Гримберт мысленно усмехнулся. Впрочем, в этом отношении барон Берхард не сильно отличался от многих его прежних знакомых, некоторые из них носили куда более весомые титулы и регалии. На фоне иных из них этот мог бы показаться едва ли не изысканным придворным аристократом.

– Не только. У тебя будет своя земля. Свой замок. Своя дружина. Над тобой никто, кроме императора, не сможет вершить суд, напротив, ты сам станешь законом на своей земле.

Это последнее обстоятельство должно было затмить перед взором Берхарда даже начищенные серебряные блюда.

– Ах ты ж дрянь какая... – озадаченно пробормотал он. – Вот, значит, как. Вижу, ты, мессир рыцарь, человек серьезный. Садись к моему столу, отведай, чего Бог послал. Звать-то тебя как?

Гримберт нащупал угловатый, сбитый из неочищенных досок, стул.

– Извини, не могу этого сказать. Вроде как взял обет инкогнито. Знаешь, что такое инкогнито?

Берхард загремел в углу какой-то утварью.

– Было по молодости. У какой-то венецианской маркитантки из обоза подхватил. Но священник, храни его ангелы, мне какого-то порошка дал, оно и прошло...

– Инкогнито – это значит, что я держу свое имя в тайне.

Смех у Берхарда был неприятным, похожим на треск рвущейся ткани.

– Да уж еще бы, мессир рыцарь, не держал бы! Небось твои придворные стихоплеты будут рады сочинить балладу о том, как ты жрал крыс и спал на мостовой. Вина выпьешь? Изысканных сортов не держу, но чем промочить глотку – найдется.

Гримберт с благодарностью кивнул. Сейчас он выпил бы даже концентрированной уксусной кислоты.

– На. Пей. Вино, конечно, не чета тем, что у вас с туринских виноградников, ну так и мы не графья какие-нибудь.

Гримберт задохнулся еще до того, как в полной мере смог ощутить зловонный аромат жидкости, протянутой ему в шербатой глиняной кружке.

– Почему ты решил, что я из Туринской марки?

Берхард издал не очень-то музыкальный смешок.

– А откуда ж еще? В Салуццо давно уже рыцарей нет, если ты не заметил.

– Отчего так? Погибли? Все разом ушли в Крестовый Поход?

– Закончились, – буркнул Берхард, – сразу после Железной Ярмарки и закончились, значит. Когда маркграф Лотар поднял свой мятеж, многие здешние рыцари к нему примкнули. Рыбьи головы! Против законов Божеских и людских пошли, стало быть. Ну и... Понятно, что. Когда маркграфское войско разбили, а уцелевшие еще не закончили кричать от боли, император издал эдикт, значит. Отныне Салуццо не допускается иметь своих рыцарей, так-то, мессир.

Мессир...

Его пальцы были слишком слабы, чтоб раздавить полную зловонной жижи глиняную кружку, но та, кажется, все равно опасно хрустнула в руке. Мессир. Слово было привычным, как его собственное имя, и неудивительно, он получил право на подобное обращение еще в тринадцать лет, раньше многих других. Но сейчас... Каждый раз, когда Берхард произносил его вслух, он ощущал себя так, словно его свежие раны сбрызгивают осиным ядом.

Мессир.

Может, виной тому иберийский говор самого Берхарда, причудливо искажающий франкскую речь? Нет, подумал Гримберт, все еще делая вид, будто нюхает поданное ему варево, которое именовалось здесь вином, не поэтому. А потому, что Берхард, именуя его мессиром, не вкладывает в это слово и малой толики полагающегося этому титулу уважения. Напротив, насмешливо, как бы подчеркивая, до чего оно, это слово, которое на протяжении многих лет было неотторжимо от Гримберта, как рука или нога, не идет ему, грязному завшивленному калеке, просящему милостыню на улицах.

Мессир.

– Не раздави кружку, растяпа, – буркнул Берхард недовольно. – Судороги, что ль? Мож, ты не только слепой, а еще и припадочный?

Когда-то, много лет назад, один человек именовал его так же. «Мессир рыцарь». Не скрывая издевки, даже подчеркивая этим обращением то незавидное положение, в котором он оказался. Причем оказался по собственной глупости, из-за того, что не имел привычки в юные годы слушать голос разума. Он тогда был безмозглым мальчишкой с не в меру развитой фантазией, с головой, набитой всяким вздором – молитвами, рыцарскими обетами, возвышенными представлениями о чести, – и ни черта не смыслил в той науке, которая именовалась жизнью и которая почему-то не значилась наряду с тактикой и логистикой в ряду учебных дисциплин, что преподавал ему Магнебод.

Этого человека звали...

Он думал, что память похоронила эти воспоминания глубоко и надежно, как трусливые потомки хоронят изъеденные плотоядными насекомыми кости своих великородных предков в глубоких и надежных, точно бункера, родовых склепах. Но нет. Сука-память с готовностью выбросила на поверхность непроглядно-черного океана образ человека. Он лишь немного был покрыт помехами, что ничуть не мешало узнаванию.

Вольфрам Благочестивый. Ему не шло это имя, как двенадцатилетнему Гримберту не шло именоваться «мессиром», но он носил его с насмешливой презрительностью нищего, напавшего на улице герцогскую корону. Не смущаясь его, напротив, смущая им окружающих. Вольфрам Благочестивый, предводитель рутьерского отряда «Смиранные Гиены». Человек, который когда-то научил его науке трезво мыслить, но взял щедрую плату за свое обучение, к концу которого он впервые услышал слово, которое отныне будет ходить за ним по пятам. Паук.

«Он мертв, – сказал себе Гримберт. – Вольфрам, мой мучитель, мертв, и я знаю это, потому что собственными глазами видел его смерть. В высшей степени мучительную и пас-

кудную. Этот злой призрак уже не властен надо мной, он просто явился в миг моей слабости, чтоб позлорадствовать. Пусть растворится. Пусть изыдет. Пусть лежит в земле грудой сгнивших костей, пока ангелы Господни не вытащат его на поверхность, брезгливо отряхивая руки, в час Страшного Суда. Пусть...»

* * *

– Эй, ты...

– Я не припадочный, – Гримберт потер рукой висок, изображая легкую слабость. – Просто старая контузия. Иногда дает о себе знать. Ну хорошо, я не из Салуццо, это сразу видно. Но отчего бы мне не быть из Савойи или даже из Лангобардии?

– Допустим, лангобард из тебя такой же, как из меня – каноник. Поговору ясно. И не из Савойи, это уж как Бог свят. Савойцы все загорелые, а у тебя кожа что молоко, даже под паршой видно. Вот и выходит, что либо из Прованса, либо из Турина. И знаешь, мессир, будь у меня лишняя монета, я бы поставил на Турин.

«Сообразительный, мерзавец. – Гримберт внутренне скривился. – Безмозглый чурбан, но, как и вся эта уличная крысиная порода, обладает безошибочным чутьем, причем именно там, где это неприятнее всего. Надо будет держать эту особенность в голове и не болтать лишнего. Видит небо, я и так уже наговорил много лишнего в этой жизни...»

– Отчего же именно Турин?

Вместо ответа Берхард звучно рыгнул. Судя по всему, в быту он не отличался благородностью манер, но едва ли в достаточной мере, чтобы смутить этим Гримберта. Среди рыцарей Туринской марки бывали такие, что с трудом разбирались в столовых приборах или даже предпочитали принимать трапезу без их помощи. Что уж говорить, если даже Магнебод иной раз позволял себе высморкаться в скатерть или швырнуть под стол обглоданную кость...

При воспоминании о Магнебode внутри тела сжалась болезненным комочком какая-то безымянная воспаленная железа. Иногда Гримберту казалось, что за прошедшее время она потеряла чувствительность, инкапсулировала инфекцию внутри себя, обратившись твердой мозолью, но это было не так. Иногда даже неосторожной мысли было достаточно, чтоб разбудить дремлющую в ней боль – боль того рода, что не тонет даже в самом крепком вине.

– Откуда ж, если не из Турина? – Берхард испустил еще одну отрывку, потише. – Как Паука полгода назад прихлопнули, так его паучье воинство и разбежалось кто куда. Из тех, что живы остались, ясное дело. Лангобарды тогда славно вашего брата потрепали. У нас эта история «Похлебкой по-Арборийски» зовется, слышал, наверно? Похлебка вышла жидковата и подгорела, зато варили ее на добрых туринских костях...

Паук. Гримберт едва не скрипнул зубами. Это слово преследовало его, точно лазутчики Лаубера, легко минуя границы и горные перевалы. Проклятое слово, от одного звука которого он ощущал нечеловеческую резь в пустых глазницах. Будто кто ланцетом скоблил изнутри голую кость, отделяя прилипшее к ней мясо.

Гримберт уткнулся в кружку и сделал большой глоток. Вино в самом деле оказалось дрянью. Оно отдавало чем-то едким и зловонным, словно в бочонок добавили гнилой соломы вперемешку с жженым тряпьем. Но в то же время оно было достаточно крепким, чтоб у него сладко заныло в затылке. Даже кровь как будто стала более вязкой и горячеей.

– Ты ведь из свиты Паука, верно? – судя по тому, что плеск вина стих, Берхард удовлетворял свою жажду и теперь внимательно наблюдал за собеседником. – Не бойся, мессир, не выдам. Знаешь, как у нас в Альбах говорят, хорошего проводника ценят за короткий путь и короткий язык.

Гримберт отхлебнул еще вина. Второй глоток дался легче, уже не отозвавшись едкой изжогой. «Наверно, и к такому пойлу можно привыкнуть, если цедить его долгие годы. Может,

и он тоже привыкнет, – пронеслась в голове мысль. – Как привык к холоду и мокрому камню, как привык к насмешкам и тумакам, как привык брести в темноте, выставив вперед растопыренные руки...»

– Да, я из Туринского знамени.

Берхард щелкнул языком – то ли одобрение, то ли насмешка.

– Как же тебя на юг занесло, мессир?

– А что мне оставалось делать в Арбории? Мертвецы – самые большие скряги на свете, от них и шиллинга не дождешься. Не успел Паук остыть, как всю его походную казну уже растащили, а что осталось, то наемники-квады себе присвоили.

– А что же добыча? – живо осведомился Берхард. – Добыча-то была?

– Добыча... – Гримберт приподнял тряпицу, прикрывающую глазницы. – Вот моя добыча. Кумулятивный прямиком в кабину. Повезло, вышибные панели сработали, только глаза и выжгло...

– Что ж, так пустым и ушел? – спросил Берхард. – Говорят, у лангобардов много сокровищ было запасено. И золото венецианское, и технологии всяческие, Святым Престолом оберегаемые...

Голос у него сделался вкрадчивым, напоминающим скрип снега под чьими-то осторожными шагами. Эту интонацию Гримберт распознал безошибочно, перебить ее был бессилен даже смрадный вкус дешевого вина.

– Не было там никакого золота и никаких технологий, – отрезал он. – Одно лишь пепелище, по которому сновали голодные раубриттеры и кондотьеры, впиваясь друг другу в глотки.

Берхард хмыкнул – судя по всему, живо представил себе эту картину и не нашел ее удивительной.

– Дело обычное, – подтвердил он. – Как кубки поднимать, так рыцарская честь превыше всего, а как выручку делить, тут каждый за ножом тянется... А чего ж домой не возвратился?

Гримберт готовился к этому вопросу. Достаточно долго, чтоб подготовить ответ, гладкий и обтесанный, как камешек со дна ручья.

– И рад бы, да не судьба. Пока я от ран оправлялся, в Турине порядки поменялись. Новый маркграф не очень-то нас приветствует. Мы ведь предыдущему маркграфу присягали, клятву верности давали. А тут...

– Ах да, этот, новый... как его, беса... – Берхард пощелкал пальцами, – Гендерик, вот! Говорят, свое собственное знамя собирает, а Паучьих рыцарей не жалует. Многих, кто уцелел, на плаху отправил или до смерти пытал.

– Гунтерих, – поправил его Гримберт, – нового маркграфа звать Гунтерих.

Ему захотелось опорожнить кружку до дна одним глотком. Залить этой зловонной черной жижей мысли, извивающиеся на дне рассудка, словно змеи в пересохшем колодце. Получить хоть минуту передышки. Но он знал, что это не поможет. Есть имена беспокоящие, саднящие, как заноза. А есть те, что врастают глубоко в мясо подобно обломанному наконечнику от стрелы или осколку. Такие не вытащить, даже если истечешь кровью.

– Может, и Гунтерих... – судя по движению воздуха над столом, Берхард махнул рукой. – А верно говорят, будто он при Пауке конюхом был? Ладно, неважно. Теперь-то уж ты далеко от него – как голова от срального места. Только мой тебе совет, мессир, лучше бы тебе про это на улицах не рассказывать. А правду говорят, что барон...

Наверно, собирался спросить, может ли барон отливать на площади у всех на виду.

– Почему? – спросил Гримберт. – Здесь не любят туринцев?

Берхард некоторое время молчал. Судя по звуку, скоблил пальцем скверно выбритый подбородок.

– Не сказать чтоб не любят, да только после Железной Ярмарки могут кости и пересчитывать. А то и утопить в канаве, бывало и такое. Пять лет минуло, но такие уж тут, в горах, нравы,

обиду помнить годами могут. Я хоть и не из здешних, но в эти дела стараюсь не лезть, знаешь ли. Турин, Салуццо... Это ваши с ними счеты, сами и разбирайтесь промеж себя, вот что.

«Надо отвести от себя подозрения, – подумал Гримберт. – Берхард по-звериному осторожен, он нипочем не пойдет в Альбы с человеком, который может притянуть к себе дополнительные неприятности – в Альбах хватало своих собственных.

– Я не застал Железную Ярмарку. Пять лет назад я служил на северной границе. Охранял туринские земли от свевов и маркоманов.

Ложь – сложное блюдо, у него есть больше оттенков вкуса, чем у специй у маркграфского повара. Гримберту были знакомы многие из них. Эта ложь почти не оставила на языке привкуса, разве что едва ощутимый запах железа – как будто неочищенной воды из стального ковша хлебнул.

– Тем лучше для тебя, – отрывисто согласился Берхард, подливая себе вина. – Только не думай, что из-за этого тебе не раскроют голову булыжником, если дойдет до дела. На туринцев здесь большая обида.

– Я думал, между Туринем и Салуццо мир.

– Мир... – в устах Берхарда это слово скрипнуло, как раздавленный жук. – Мир... Когда-то и был, говорят. Лет пять назад, до того, как все началось. Тогда Турин и Салуццо были добрыми соседями, я слышал. Торговали, выручали друг друга, да и наскоки лангобардов заодно всяк легче сдержать. Опять же – восточные марки, корочка на имперском пироге, они всегда наособицу от прочих были... Говорят, графья между собой даже дружбу водили, Паук и Лотар. На то они и сеньоры. Только пять лет назад все это закончилось. Слушай, мессир, а правда, что барон может в церкви пернуть – и ничего ему за это не сделается?

– А пять лет назад случилась Железная Ярмарка?

Берхард поерзал на своем стуле. Судя по отголоскам его движений, он не страдал лишним весом – как и прочие жители Бра, стул под ним даже не скрипнул.

– Нет, – сказал он хмуро. – Потом был мятеж. Маркграф Лотар пошел против Божьих и императорских законов. Мало того, еще и баронов своих увлек. Вот тогда-то все по-настоящему и началось.

«Да, – подумал Гримберт, – тогда и началось». Откуда-то из другой жизни пришло воспоминание, тусклое, как выцветший обтрепанный гобелен – долина, покрытая, точно насекомыми, шевелящимся людским покровом. Звонящие клинья рыцарей, вонзающиеся во вражеские порядки, вминающие ошетилившиеся пиками человеческие цепи в податливую землю, рассыпающие вокруг себя рваные черные сполохи пороховых разрывов...

– Думали, что император пошлет на подавление свою гвардию из Аахена, так оно обычно бывает при мятежах. Да только Паук успел раньше, – Берхард кашлянул в ладонь. – Обрушился со своими рыцарями как снег на голову. Но в этот раз он явился не как добрый сосед.

– Подавление мятежа – часть вассальной клятвы, – возразил Гримберт, – разве он не обязан был это сделать как вассал его величества?

Берхард хохотнул – точно старая бочка скрипнула.

– Клятвы... Паук – он и в Бретани паук, мессир, как его ни назови. Понятное дело, зачем он явился. Хотел добро здешнее к рукам прибрать, пока императорские посланцы сами все не сделали. Земля здесь хорошая, плодородная, грех сотню-другую арпанов не оттяпать... На то они и сеньоры, мессир, такая у них сеньорская дружба...

– Значит, была война?

– Война – то слишком сильно сказано. Не успел Лотар со своими баронами в боевые порядки выстроиться, как туринцы накатились на них, ну точно волна. Ох и грохоту было! Рыцари палят, орудия грохочут, пехота друг дружку на пики поднимает... Столько палбы учинили, что старик Святой Петр, должно быть, свои чертоги до сих пор от дыма проветривает.

– Мятаж ведь подавили? – осторожно спросил Гримберт. – Я слышал, маркграф Лотар, потерпев поражение, запросил пощады.

– Как есть запросил, – в голосе Берхарда Гримберту послышалась злость, еще более едкая, чем здешнее вино. – Раскаялся прямо посреди боя, встал на колени и сердечно просил императора простить его за недостойное поведение. Будь он обычным пехотинцем, ему голову тесаком отрезали бы, пожалуй. А может, кости переломали бы обухом и скинули в канаву помирать. Но между сеньорами так не положено. Его величество император милостиво согласился простить своего раскаявшегося вассала, а Святой Престол наложил покаяние и велел более против трона не идти.

* * *

«Да, – вспомнил Гримберт, – так и было. Если Лотар чем-то и был наделен сверх меры, кроме самоуверенности, так это чутьем по части того, как сберечь свою шкуру. Истекающие кровью войска мятежных баронов еще трепыхались, отползая под натиском туринских рыцарей, а Лотар де Салуццо уже раскаялся в своих грехах и верноподданнейше запросил мира».

И Гримберт Туринский дал ему мир. Такой, что вся земля Салуццо, кажется, затрепетала от ужаса.

– Железная Ярмарка, – голос Берхарда скрежетнул, как тупое лезвие по точильному камню. – Вот что Паук подарил выжившим мятежникам, мессир. Он пощадил Лотара, но только не прочих – баронов, рыцарей, прислугу... На них-то императорское прощение не распространялось, как понимаешь. Железная Ярмарка. Страшное это было время. С одной стороны, оно понятно, что мятежнику на милосердие уповать вроде как не приходится, с другой... Я ведь слышал эти крики. Даже тут, в Бра. Днем и ночью. Десятки, сотни людей... Иногда мне даже чудилось, будто весь город воет от боли. Но это кричал не камень, мессир, это кричали люди, причастившиеся справедливости Паука.

«Крики тоже были, – вспомнил Гримберт. – Отвратительные, не смолкающие крики. От них нельзя было укрыться даже за толстыми дворцовыми стенами, их не заглушал придворный оркестр, зря только терзал струны». Чтобы не слышать их, ему приходилось оглушать себя лошадиными дозами аквавиты с эскалином, проводя целые дни в чертогах пленительных галлюцинаций.

– Он был обязан наказать мятежников, – Гримберту пришлось допить вино, чтобы хоть немного размягчить пересохшую глотку. – Разве не так?

– Оно, может, и так, – безразлично согласился Берхард. – Отруби он десяток голов, никто бы и ухом не повел. Такая уж доля мятежника, всем понятно. Но Паук решил преподать Салуццо такой урок, который не забудется и через сто лет. Насчет Железной Ярмарки – это его придумка была. Большого юмора был покойный Паук, да сожрут его печень адские бесы. Большого юмора и большой злости. Выпьем за него, мессир, за твоего хозяина. Дрянь был человек и помер, как дрянь, а все ж память о себе оставил, пусть и такую...

Гримберт попытался сделать глоток, но не смог – губы вдруг затвердели, как каменные, едва не звякнув о кружку.

– Гримберт Туринский, как полагается рыцарю, – глухо произнес он. – В неравной схватке с лангобардами.

Берхард побарабанил по столу пальцами. Судя по глухому звуку, пальцы у него были твердые и тяжелые, как гвозди.

– Тебе виднее, мессир. Только до меня доходили слухи, что помер он как Паук. Бросился бежать, пока его рыцарей кромсали в городе, да и угодил на минное поле. Говорят, на миллион золотых кусочков разнесло. Так-то. В общем, мессир, к туринцам со времен Железной Ярмарки

тут отношение не сказать чтоб доброе. Живой – и хорошо. Но лишний раз лучше не упоминай. Не к добру.

– Я...

Берхард истолковал его замешательство по-своему.

– Со мной можно, – усмехнулся он. – Я-то сам не из местных. Про Жирону слышал?

Гримберт кивнул потяжелевшей от вина головой.

– Это в Иберии?

– Так точно, – судя по гулкому хлопку, Берхард треснул пятерней себя в грудь. – На берегу Балеарского моря. Славное море, мессир. Не чета здешнему Лигурийскому!

Значит, слух не подвел. Ибериец. Вот откуда чудной, немного гнусавый говор.

Жителей Иберийского полуострова Гримберт в глубине души презирал, хоть и признавал за ними славу лихих вояк, немало крови проливших за империю. Нечистоплотные самодовольные дикари, они слишком много внимания уделяли роскошным нарядам и блестящим наградам, однако в бою делались беспощадны, как адское воинство. Неудивительно, что именно им удалось перегрызть горло мавританской силе, много веков терзавшей империю на западе.

– Далеко же ты забрался на восток, – пробормотал Гримберт, мысленно проводя линию на несуществующей карте, чем вызвал еще один смешок Берхарда.

– Да уж не паломником шел. Я из альмогавар³.

– Наемником?

– Да, мессир.

Про альмогаваров Гримберт тоже был наслышан. Когда с маврами было покончено, легкая иберийская пехота охотно нанималась целыми сотнями к любому, кто в состоянии расплатиться серебром или медью. Неприхотливая, стремительная в походе и яростная в бою, своими пиками и аркебузами она сняла обильную жатву во всех мятежах, стычках и баронских войнах восточных земель империи франков последних пятидесяти лет. Эх, будь у него в Арбории пара сотен иберийских альмогаваров вместо квадов...

– А в Салуццо как занесло?

– Тем же ветром, что всех нас по миру носит, – проворчал Берхард, вновь щедро наполняя свою кружку. – На звон монет слетелись. Когда бароны друг дружку за горло хватают, тут самое время, они тогда за кошель не держатся...

– И к кому вы нанялись? К старому Лотару?

Берхард прыснул так, что даже поперхнулся. Гримберту пришлось поднять руку и вытереть со своего лица теплую винную каплю.

– Смеешься, мессир? Кабы мы подались к мятежникам, сейчас из моих потрохов уже, глядишь, чертополох бы рос. А может, и хуже, – голос Берхарда помрачнел. – Бродил бы по улицам, как эти химеры проклятые... Нет, мы, альмогавары, ребята лихие, но к вере и трону с почтением, так-то. Вот почему я и говорю, чтоб ты меня не боялся. Мы с тобой, выходит, на одной стороне бились. За его императорское величество.

– Меня не было здесь во времена Железной Ярмарки.

– Ну, как скажешь, сир, как скажешь...

Минуту или две Берхард шумно пил вино, время от времени отрывая. Несмотря на это, Гримберт ощущал движение мысли в его голове, похожее на суетливую и бессмысленную траекторию мухи в закрытом кувшине.

– Барону, наверно, и виноградники полагаются, как думаешь?

– Без сомнения, – заверил его Гримберт. – И самые лучшие.

³ Альмогавары (исп. *Almogávares*) – испанская легкая пехота, часто использовавшаяся в средневековой Европе в качестве наемников.

– Виноградники – это хорошо. Устал я здешнюю мочу пить, мочи нет. В Иберии у нас вино слаще меда, а тут дрянь одна... Хочу, чтоб вокруг замка – баронские виноградники, и самого лучшего сорта!

– Они у тебя будут.

– И все, что мне нужно для этого, – свести тебя к Бледному Пальцу, так?

– Да. И показать свою находку.

Берхард неторопливо заходил из стороны в сторону, Гримберт слышал, как скрипят под ним старые половицы, но сам молчал. Иногда достаточно подселить в голову собеседника одну мысль – и та, развившись сама по себе, сделает все необходимое. И с Берхардом, судя по всему, он не прогадал.

– Опасная затея, мессир рыцарь, не знаю, что и сказать. Я сам всякий раз, когда возвращаюсь из Альб, ставлю самую большую свечу Святому Николаю. Там, бывало, и зоркий, как сокол, дня не выдержит, а уж слепой-то...

– Я не беспомощен.

– Расскажи это мантикоре, которая сожрет твою печеньку!

– Мантикор не существует. Это крестьянские сказки.

Берхард издал неприятный смешок.

– Мантикор, может, и не существует, а вот многие другие штуки – как раз существуют. Чертова Купель... Паданица... Куриный Бес... А еще – обвалы, ледники, осыпи... До Бледного Пальца здоровому человеку четыре дня идти, а тебе-то...

– Ты получишь щедрую плату за свои услуги.

Берхард хитро усмехнулся:

– Только если будет кому платить. Ну, а коли ты, мессир, изволишь издохнуть где-нибудь на середине пути? Кто мне тогда корону баронскую даст?

– Ты говоришь, будто бы у тебя есть другие наниматели, Берхард Однорукий.

Берхард шумно выдохнул – упоминание прозвища уязвило его, да и не могло не уязвить.

– А что, если и так? – жестко спросил он. – Быть может, его сиятельство маркграф Лотар предложит больше?

* * *

Гримберту захотелось запустить глиняной кружкой прямо в ухмыляющееся лицо Берхарда. Возможно, он так и поступил бы, если бы мог предугадать, где оно находится. «Нет, – спустя секунду подумал он, пытаясь расслабить руку. – Не запустил бы. Ему нужен этот наглый тип, считающий себя большим хитрецом, нужен, чтобы добраться до Бледного Пальца. А там... Альбы – и в самом деле опасное место, опытных ходоков они пожирают с таким же аппетитом, как и новичков. Никто не удивится, если обратно он вернется один».

– Ты не пойдешь к Лотару, – спокойно и отдельно произнес он. – Просто хочешь набить себе цену.

– Не пойду? Почему же?

Гримберт загнул один палец, надеясь, что это выглядит достаточно внушительно.

– Я не первый день в Салуццо. Все знают, что старый Лотар не показывается из своего дворца с самой Железной Ярмарки.

– Это верно, – нехотя согласился Берхард. – Говорят, как помилование императорское получил, так и заперся в своих покоях. То ли прощение у Господа вымаливает, то ли стыдно своим подданным на глаза показаться после всего. Иные говорят, и вовсе головой повредился после того, что Паук с его маркграфством учинил. Только мне ведь аудиенцию просить ни к чему, довольно будет сказать пару нужных слов его слугам.

– Возможно, – легко согласился Гримберт, отставляя пустую кружку. – Только ты их не скажешь. Потому что эти слова приведут тебя на плаху быстрее, чем ты успеешь заикнуться о награде. Даже не представляешь, до чего непросто надеть баронскую корону тому, кто уже лишился головы.

Берхард засопел. Его не очень быстрый ум тяжело ворочался в массивной черепной коробке, пытаясь уразуметь сказанное. Гримберт укреплялся в том, что не ошибся в выборе провожатого. Недалек, но скрытен, опытен и обладает звериным чутьем. Только такие выживают и во время мятежей, и в горах.

– При чем тут плаха? – пробормотал он подозрительно. – Что это ты несешь, безглазый мессир?

Гримберт с удовольствием ощутил, как раздвигаются губы. Давно забытое чувство – жизнь давно не подкидывала ему повода улыбнуться.

– Да при том, мой дорогой друг, – почти ласково произнес он, – что контрабандистам в Салуццо полагается смертная казнь. Ты думаешь, если я рыцарь, то глуп, как бревно, а моя голова забита рыцарскими романами и турнирами? Я понял, чем вы занимаетесь, сразу, как только увидел тебя с приятелями в трактире. У нас в Турине таких, как вы, называют «альбийскими гончими». Они шныряют по горам из Женевы в Лангобардию, из Турина в Монферрат, из Прованса в Савойю. Пользуясь тем, что границы многих графств и марок лежат в смертоносных Альбах, они минуют кордоны никому не известными тропами, передавая запрещенные Святым Престолом технологии, секретные донесения и все, что можно продать за серебро. Таких, как ты, не жалуют в графских замках. Расскажи его сиятельству, что ты нашел под Белым Пальцем – и уже через полчаса будешь визжать, пока палач раздирает тебе шею щипцами, проклиная тот миг, когда отказал слепому рыцарю.

Эта тирада, судя по всему, произвела глубокое впечатление на Берхарда. Со сдерживаемым злорадством Гримберт слышал, как тот озабоченно сопит, прохаживаясь вдоль стены.

– Не грози человеку, с которым отправляешься в Альбы, мессир. Как бы не пришлось потом жалеть.

Прозвучало зловеще. Но Гримберт не мог не отметить, что в голосе бывшего наемника послышалось то, что прежде совершенно в нем отсутствовало – уважение. Это его устраивало. Берхард относился к той породе плотоядных хищников, которых бесполезно запугивать – ударят в спину. А вот уважение стоило многого.

– Мы можем быть полезны друг другу, Берхард Однорукий, – как можно проникновеннее сказал он, – если оба будем держаться уговора. Ты отводишь меня к Бледному Пальцу. Я гарантирую тебе баронский титул в Туринском маркграфстве.

Темнота перед глазами тревожно запульсировала. Гримберт знал, что в следующую секунду решится все. Из этого дома он выйдет или победителем, перед которым впервые забрезжит искра надежды, разгоняющая окружавшую его вечную ночь, или проигравшим – и тогда ему лучше никогда не возвращаться домой.

– И чтоб с хорошим виноградником, – буркнул Берхард, – не кислятиной какой-нибудь.

– Лучше, чем у самого епископа!

Берхард засопел. Чувствовалось, что он уже готов был протянуть руку, но что-то в глубине души заставляло его медлить.

– Что еще? – нетерпеливо спросил Гримберт.

– Есть одна вещь, о которой нам надо условиться еще до того, как руки пожали.

– Слушаться и повиноваться во всем? – Гримберт с готовностью улыбнулся, надеясь, что улыбка получилась в должной мере искренней. – Идет. Если ты говоришь мне остановиться и упасть в снег...

Судя по голосу, Берхард не испытывал никакого душевного подъема от заключенной сделки. Напротив, голос посуровел.

– Ты останавливаешься и падаешь в снег так, будто тебе подрубили ноги. Только это не главное в Альбах.

– А что главное?

– Не лгать.

Гримберт не знал, можно ли сейчас улыбнуться. Судя по тону Берхарда, на шутку это не походило. И скорее всего ею и не было.

– Что это значит?

– Там, наверху, много опасностей, мессир. Много таких штук, что превращают человека в пятно на снегу. В этих горах тысячи троп, да только одна из них вернет тебя обратно живым и здоровым, а остальные – погубят, смекаешь? Поэтому так заведено, что в Альбах люди не лгут друг другу.

Гримберт торжественно приложил правую ладонь к сердцу.

– Клянусь своей бессмертной душой блюсти правду, чего бы это мне ни стоило!

– Это не шутки, мессир, – проворчал Берхард таким тоном, что Гримберт забыл про сарказм. – Это вовсе не шутки. Там, наверху, паршивое место. Тебя может раздавить лавиной быстрее, чем ты успеешь крикнуть последний раз. Ты можешь упасть в расщелину и переломать себе все кости. Можешь замерзнуть насмерть или задохнуться, когда твои легкие лопнут, как рыбы пузыри. Но самое опасное, что может тебе повстречаться в Альбах, это человек. Поэтому среди тех, кто поднимается вверх, такое правило заведено. Не хочешь говорить – не говори, но если уж рот открыл, не смей лгать, кто бы перед тобой ни был.

– Что ж, мне это подходит.

– Тогда по рукам, мессир.

Гримберт вслепую протянул руку и сжал протянутую ему Берхардом ладонь. От этого грубого прикосновения в душе запели райские птицы голосами один другого слаше, а эйфория прошла по нервам колючей электрической дугой.

– Выходим из города завтра на рассвете, – проворчал Берхард, отстраняясь. – И лучше бы тебе быть у Старых Ворот с первыми лучами. И сорок динариев тоже прихвати, это тоже моя плата. А теперь выметайся отсюда. Может, ты и рыцарь, но воняет от тебя все равно что от дохлятины...

Часть вторая

Альбы. На латыни это означает «Белые», но мрачную иронию этого слова Гримберт осознал только теперь. Это слово потеряло для него свой смысл. Куда бы он ни шел, вокруг него была вечная ночь, стершая все цвета и оттенки. «Если бы у слепых был свой язык, – невесело подумал он, – эти горы стоило бы назвать “Акри” – “острые”. Или “Каэдэс” – “убийственные”».

Несмотря на то что он тщательно обвязал ноги тряпьем, подошвы быстро стерлись в кровь. Гримберт не сбавлял шага, но все равно неизбежно отставал от размеренно шагающего спутника, который, казалось, обладал возможностью мгновенно переноситься из одного места в другое. Большую часть времени Гримберт ориентировался по его дыханию – Берхард довольно звучно сопел, особенно если дорога шла в гору. Но вскоре это перестало служить надежным ориентиром. Стоило им отойти на несколько миль от Бра, как ветер, смиренно ведший себя в городе, уже норовил показать свою истинную силу, вырывая изо рта слова и гудя, как орда голодных демонов. В этом гуле дыхания Берхарда уже было не слышно, и Гримберт то и дело замирал, напряженно вслушиваясь, не звякнет ли где-нибудь невдалеке камешек, задевший сапогом контрабандиста? Звякало редко – Берхард ступал необыкновенно легко, точно сам был родившейся в горах мантикорой.

Несмотря на все ухищрения, Гримберту часто приходилось терять спутника. Тогда оставалось лишь двигаться в прежнем направлении, надеясь, что внутренний компас не ошибается. Не раз и не два спину ошпаривало ледяным потом при мысли о том, что он движется напрямик в сторону пропасти, даже не догадываясь об этом.

Он не сомневался, что Берхард прекрасно видит его затруднения, но предпочитает не вмешиваться. Возможно, это было формой мести за его собственную дерзость, а может, тот был слишком поглощен дорогой. Лишь изредка, сжалившись, Берхард останавливался и подавал голос, не утруждая себя особенной вежливостью:

– Эй, безглазое сиятельство! Сюда!

Но Гримберт был благодарен ему и за это. Сбивая ноги об острые камни, он устремлялся на звук, ощупывая дорогу клюкой.

– Это еще не горы, – задумчиво обронил Берхард во время одной из остановок. – Так, предгорья. Настоящие Альбы начинаются выше. Они тебе живо напомнят, что зря ты сюда сунулся.

Гримберт молча согласился. Он помнил суровый нрав этих гор.

Пусть в прежней жизни у него не было доступа к церковному Информаторию, полнящему информацией обо всем на свете, однако было любопытство, которое он щедро утолял книгами и путевыми заметками известных путешественников. Так, он знал, что Альбы – это даже не горы, а исполинский горный массив, раскинувшийся, подобно мертвому левиафану, на многие сотни и даже тысячи миль. Его каменная туша простиралась столь далеко, что части Альб были раскиданы по доброму десятку графств и марок – Савойя, Турин, Прованс, Валентинос, Оранж, Лионне, Баден...

Один из самых высоких пиков возвышался аккурат между Туринской маркой и графством Женевским. Огромная льдистая громада, которую именовали иногда Белой Горой, была столь высока, что взбираться на нее осмеливались лишь самые отчаянные егеря. Разглядывая снизу ее недостижимые вершины, юный Гримберт представлял, как когда-нибудь оттуда, из прозрачного и морозного небесного чертога, швырнет вниз бочку с запечатанным внутри Лаубером. При мысли о том, как граф Женевский несется вниз подобно снаряду и острые камни дробят его кости, он испытывал ни с чем не сопоставимое удовольствие. Прошло время, прежде чем он понял, что это будет слишком простой участью для предателя и убийцы...

– Медленно идем, – пробормотал под ухом Берхард, ворчливый с самого утра. – Хорошо, если к темноте доберемся до Серой Монахини. Там хоть проклятого сквозняка нет...

– А дальше? – спросил Гримберт, задыхаясь и отчаянно глотая ртом воздух. То, что для его спутника было короткой остановкой, для него служило блаженным отдыхом.

– Дальше... Двинем на запад, старой госпитальерской дорогой, минуем Мздоимца, затем поднимемся по Сучьей тропе, а дальше поглядим. Если Суконный перевал завален снегом, спустимся до Чертова камня и пойдем долгой дорогой в сторону Яшмы. А нет – так прямо в Долину Пьяного Аббата нырнем и там, значит, аж до Черного Чрева...

Гримберт ни разу не слышал в руках у Берхарда шелеста бумаги. Возможно, никаких карт у контрабандиста и вовсе не было, а шел он, полагаясь исключительно на свою память.

– Сколько нам осталось до Бледного Пальца?

– Как мавру до Пасхи! – огрызнулся тот. – Что тебе, слепому, расстояние считать, знать не землемер... Полсотни лье будет, а то и с вершком. А если в хопх мерить, то как бы не все три тыщи...

Гримберт помнил курсы обмена венецианских монет на франкские, но здешние меры длины часто ставили его в тупик. Тем более что в каждом городке и в каждом селе зачастую были приняты свои меры длины, непонятные остальному миру, и неважно, какое расстояние их разделяло, час ходьбы или три дня.

Попробуй вспомни, сколько двойных шагов в здешнем лье и с какого расстояния можно услышать крик взрослого мужчины, определяя длину хопх... Благодарение небесам, старый контрабандист еще считал в старых франкских мерах, а не в местечковых, где используют по большей части локти, пальцы, полуторные шаги, пассы и бог весть что еще...

– Сколько это будет в километрах?

– В имперских считать не обучен... – Берхард усмехнулся: – В километрах пусть те считают, которые Альбы линейкой меряют, а не ногами, как я. А если в лигах взять, то где-то с сотню выйдет и еще дюжина к ней.

Сотня лиг... Шестеренки в голове Гримберта вращались медленно, будто тоже прихваченные горным холодом. Но все-таки вращались.

Почти пять сотен километров. Чертовски мало для маркграфа, чьи владения исчисляются многими сотнями. Чертовски много для нищего слепца.

– Сколько это дней пути?

– Альбы человеческим календарем не считают, мессир, у них свой счет. Кому пять дней хватит, а кому и месяца будет мало. Тут все особенное, и расстояние, и время. Бывает так, вышел человек на день, а вернулся через пять лет – когда его кости кто-то домой приволочет. Шевелись, ваше сиятельство, если долго стоять, мороз в задницу заползет!

И Гримберт шел, беззвучно проклиная пробирающийся под тряпье холод, сбитые ноги и кружащуюся от звенящего горного воздуха голову. Он знал, что будет идти до тех пор, пока не упадет.

* * *

К тому моменту, когда Берхард объявил ночевку, Гримберт был уверен, что продержался на ногах добрых два или три дня. То, что начиналось как сложная и утомительная прогулка, быстро превратилось в изматывающую пытку, от которой невозможно было отойти за те короткие минуты, что длился привал.

Тропа, по которой они шли, поднималась так круто вверх, что Гримберт мысленно чертыхался – по его расчетам, они уже должны были задеть головами Царствие Небесное. Иногда тропа вовсе пропадала, оборачиваясь крутой каменистой осыпью или петляя меж огромных валунов с острыми, как шипы рыцарской брони, выступами. Гримберт то и дело поскальзы-

вался на лишайнике или влажных от горной мороси камнях, сжатая до судорожного хруста пальцев клюка не всегда помогала сохранить равновесие.

Иногда он падал, больно обдирая кожу с замерзших рук или ушибая колени, но спешил тут же вскочить и броситься дальше – Берхард не считал это уважительным поводом для остановки. Потеряв в скрежете ветра звук его дыхания, Гримберт начинал паниковать, терять направление и совершать много ненужных действий, отчего задышался еще сильнее.

В непроглядной темноте, обступившей его, одиночество невообразимо пугало, он буквально ощущал себя крохотной песчинкой меж огромных каменных гряд, песчинкой, которую вот-вот сдует в пропасть особенно сильным порывом ветра или перетрет в месиво под несущимися с обрыва валунами.

Что еще хуже, собственное тело постепенно стало ему изменять. Истощенное и слабое, даже в городе оно не раз подводило его, но здесь, в Альбах, столь резко обозначило ту черту, за которой уже не будет ни боли, ни усталости, ни сознания, что Гримберт испугался. Руки и ноги отекали и ныли, причиняя боль на каждом шагу, сердце билось как сумасшедшее, едва не проламывая грудную клетку, а воздух, который он вдыхал, казался столь едким, что разъедал его изнутри, ничуть не насыщая мышц.

На него навалилась ужасная слабость, от которой живот казался набитым слипшимся пухом, а ноги, напротив, потяжелевшими настолько, будто были скованы кандалами. Гримберт шатался, с трудом удерживая направление, и иногда порыва ветра было достаточно, чтоб уронить его, точно детскую игрушку, навзничь. Во рту сделалось так сухо, что, если б он захотел позвать на помощь, не смог бы исторгнуть из себя ни звука. Но Гримберт не собирался кричать. Он поднимался, мотал головой и, спотыкаясь, скользя, тащил свое тело вперед, точно изношенный, исчерпавший до дна запас прочности рыцарский доспех.

– Благословение Святого Бернарда, – с неприятной усмешкой пояснил Берхард, когда Гримберт повалился на очередной осыпи, хрипло втягивая в себя отравленный едкий воздух. – Так это называется у нашего брата. Чем выше поднимаешься наверх, тем ближе делаешься к райскому царству, оттого земные грехи, что мы не замечаем, тянут вниз. Чувствуешь, как нутро крутит? Так привыкай, потому что дальше будет еще хуже.

– Я... Порядок...

– Ну смотри, мессир. Отсюда мы еще можем вернуться в Бра. После уж я поворачивать не стану.

Гримберт мотнул головой и поднялся. Ноги дрожали и подгибались, как у умирающей лошади, но он вновь стоял. Берхард издал зевок и бодро двинулся дальше, позвякивая мелкой галькой.

К тому моменту, когда они наконец остановились на ночлег, Гримберт уже не ощущал ни усталости, ни ног, ни времени. Казалось, все чувства человеческого тела, сколько их есть внутри, оказались обесточены, как обрезанные силовые кабели. Тело просто брело, ничего не сознавая и не воспринимая, даже боль как будто осталась где-то в стороне, сделавшись не такой чувствительной.

– Встанем здесь на ночь, – решил Берхард, с хрустом разминая плечи. – Жаль, что ты не видишь этакой красоты. Закат, солнце на снегу, и облака подкрашены, ну будто ангельские перья...

Гримберт слишком устал даже для того, чтоб ненавидеть. Он рухнул, как подрубленное дерево, и долго лежал неподвижно, ощущая, как в одревесневшие члены медленно и неохотно возвращается чувствительность.

Повозившись с чем-то, Берхард растопил костер, и треск огня вызвал в душе у Гримберта такое благоговение, какого не вызывала даже проповедь архиепископа в столичном соборе. В укутавшей его темноте не было видно даже отсвета пламени, но Гримберт ощутил его упоительное струящееся по пальцам тепло, когда протянул к костру опухшие руки.

– Здесь есть деревья? – спросил он, когда губы немного размерзлись и вернули способность пропускать через себя воздух.

– Нет, и не было никогда. Но есть горные козы. Их навоз неплохо горит.

Гримберту было плевать, что горит, пусть это был бы даже еретик на инквизиторском костре. Он с наслаждением подвинулся ближе, растирая ломкие от мороза пальцы и опухшие колени. Он ощущал себя так, как человек, побывавший в Лимбе и вернувшийся оттуда – не цельное человеческое существо, а ворох телесных и душевных ощущений, слабо связанных друг с другом.

Он не испытывал ни голода, ни жажды, все внутренности словно съежились на своих местах, но Гримберт знал, что телу нужна энергия, чтобы на следующий день продолжить путь. Вынув из котомки хлебец, ставший от холода твердым, как броневая сталь, он принялся греть его над огнем, отщипывая небольшие куски.

Судя по звуку, Берхард возился с походным шатром, укрепляя его камнями и совершая множество операций, о сути которых Гримберт имел лишь самое приблизительное впечатление. По счастью, его помощь не требовалась, даже с одной рукой Берхард определенно обладал необходимой сноровкой, чтоб проделать все необходимое в одиночестве.

– У тебя и в самом деле одна рука?

– Чего?

Берхард, кажется, не ждал вопроса. По крайней мере не от смертельно уставшего человека, больше похожего на камень, чем на живое существо.

– Тебя прозвали Берхардом Одноруким. У тебя в самом деле одна рука?

– Нет, – огрызнулся проводник. – Меня так прозвали, потому что мне достаточно всего одной руки, чтоб заправить ишаку...

– Извини, – поспешно сказал Гримберт. – Я бы не задавал такие вопросы, кабы имел возможность увидеть это сам.

Кажется, Берхард немного смягчился. Может, вспомнил, что есть люди, которым пришлось несравненно хуже, чем ему.

– Одна, мессир, – буркнул он не особо охотно. – И одно ухо, если на то пошло. Но, как по мне, лучше быть Берхардом Одноруким, чем Берхардом Одноухим.

Гримберт понимающе кивнул:

– Обморожение?

Невидимый Берхард издал скрипучий смешок.

– Нет, Альбы меня любят. Раз уж столько лет живым возвращаюсь... А рука и ухо... Оставил на память мятежникам под Ревелло. Я хоть остальное оттуда унес, а мои приятели и тем похвастать не могут.

Ревелло. Славная была сеча, вспомнил Гримберт. Высокие холмы, все в зелени. Полощущиеся на ветру рыцарские стяги, на одном из которых золотой тур нетерпеливо роет копытом землю... Он чувствует, что впереди бой, и сам Гримберт тоже чувствует, кровь, разогретая впрыснутыми в вены стимуляторами, блаженно теплеет, и вот уже в визоре пляшут, выбирая цель, привычные маркеры...

В отдалении, у другого холма, видно несколько дюжин стягов – это мятежные бароны спешно готовят оборону, чтоб отразить стальной натиск беспощадного туринского знамени. Немного поодаль виден штандарт самого мятежного маркграфа – литера «С» в обрамлении оливкового венка. Старик Лотар де Салуццо хитер, возглавил резерв, чтоб бросить его в бой в нужную минуту.

Но резерв ему не поможет, как не поможет и горстка мятежных баронов в их старых доспехах, потому что верный Магнебод уже скрежещет стволами орудий где-то неподалеку, и «Золотой Тур» готовится издать оглушительный рев – общий сигнал к атаке...

* * *

Гримберт с трудом вынырнул из этих воспоминаний, как из бочки с густым хмельным вином. Холод почти тотчас навалился на него, сжимая в своих трещащих колючих объятьях.

– Не переживай, – пробормотал он, чтобы отогреть хотя бы глотку. – Виноградники – не единственное преимущество баронского титула. Если выполнишь свою часть уговора, скоро уже сможешь позволить себе новую руку.

Судя по тому, что шелест ткани стих, Берхард на секунду замешкался.

– Это как так? – спросил он настороженно. – Как так – руку? Железяку, что ль? Не нужна мне такая. Говорят, дурные они и чуткости нету. В Бра, я слышал, один такой себе тоже руку железную заказал. А потом взял свое естество в руку, чтоб отлить, а та возьми – и сожмись, как тиски...

– Железяка – это ерунда. Живую руку сможешь вырастить.

– То есть как это – живую?

– Настоящую, – нетерпеливо пояснил Гримберт. – Из плоти и крови. Лекари такие в колбах выращивают, как гомункулов. Правда, платить за это придется не медью и не серебром, а золотом, но ты-то сможешь себе это позволить.

Судя по сосредоточенному сопению Берхарда, эта мысль вызвала в нем скорее глубокую задумчивость, чем окрыляющую радость.

– Руки в колбах... Не знаю, мессир, как-то не по-божески это. Кабы не грех.

Гримберт осторожно кивнул, надеясь, что замороженная до самого позвоночника шея не обломается, точно сухая ветка.

– Грех, – подтвердил он. – Причем тяжкий. Такой, что направлен против Царствия Небесного, а не земного. За такой светит церковный суд и инквизиция.

Берхард рыкнул от негодования.

– Ну спасибо за добрый совет, мессир! Мало мне маркграфских егерей! Видел я, как инквизиторы работают, благодарствую. Есть неподалеку от Бра один городок, Санфре. Две дюжины домов, не городок, а одно название... Года с три назад туда братья-инквизиторы заявились, все в черных сутанах, как вороны. Вроде как вардисианисты среди местных появились, что клеветают на истинную веру и погрязли в богопротивной ереси, вот, значит, Святая Инквизиция и прибыла спасать их души...

– И что? Спасли? – спросил Гримберт без особого интереса. О методах работы Святой Инквизиции у него были собственные представления.

– Надеюсь, что души спасли, – буркнул Берхард. – Потому как от их тел мало чего осталось. Нет, благодарствую, мессир рыцарь, кружку с вином пока еще и одной рукой поднять можно, а что до девок, там и вовсе руки не требуются. Как-нибудь и с одной проживу!

– Про Инквизицию можешь не думать. Ты ведь будешь бароном, не забыл?

Берхард насторожился.

– И что с того?

– То, что грех для простолюдина, не грех для барона, – Гримберт не смог улыбнуться, обмороженная кожа на лице и без того пылала огнем. – Хотя я бы не рискнул вступить в теологический спор относительно того, где разница между душой одного и другого. Ты просто сделаешь щедрое пожертвование местному епископу. Как благодарный сын христианской церкви. На свечи для монастырей, к примеру. И добрый прелат соизволит постановить эдикт, которым для верного раба Божьего Берхарда будет сделано исключение – в силу того, что его исцеление послужит во благо Святого Престола и исходит из веления праведной души. Вот и все.

Берхард некоторое время думал, затем принялся шумно стряхивать с себя снег.

– Нет уж, благодарю.

– Не хочешь новую руку?

– Не хочу стать химерой, – огрызнулся тот. – Сами знаете, чем эти штуки обычно заканчиваются. Железной Ярмаркой, вот чем. Видел я тех, что через нее прошли. Кому повезло больше, по двое срастили, плечом к плечу или спиной к спине. Кому меньше, по трое. И нарочно так, чтоб побольнее. Затылком к спине, щекой к щеке... Пусть лучше у меня будет одна рука, да своя, чем четыре, растущих откуда ни попадя.

– Те люди были мятежниками, – напомнил Гримберт. – Они пошли за Лотаром, а значит, знали, какую цену им придется заплатить.

– Понятно, если бы Паук всех мятежников на плаху отправил, – проворчал Берхард. – За мятеж – дело-то обычное. Но он уж как-то не по-людски... Где это видано, чтоб из людей чудовищ делать?

Ветер злобно завыл, пытаясь навалиться на их крохотный костерок и яростно полосую его когтями. Гримберт инстинктивно накрыл пламя озябшими пальцами, уберегая мельчайшие крохи тепла, норовящие растаять в ледяной темноте.

– Кара была соразмерна преступлению. Мятеж Лотара заключался не в том, чтоб посягнуть на власть императора. Он посягнул на то, что принадлежит Святому Престолу.

– На вечную жизнь, что ль?

– Вроде того. Он посягнул на человеческий генокод. Говорят, к старости маркграф де Салуццо совсем перестал заботиться вопросами души, зато вплотную занялся спасением своего тела. Страх смерти – самая естественная вещь в мире, но старый Лотар перешагнул ту черту, которая нанесена невидимыми чернилами. А Святой Престол очень не любит, когда кто-то лезет своими грязными руками в святая святых. Маркграфа предупреждали. Очень настоятельно предупреждали. Но то ли страх перед смертью оказался сильнее осторожности, то ли маркграф уповал на то, что никто не пронюхает, чем именно занимаются его лаборатории на окраине империи...

– Но Паук пронюхал.

– Да. И воздал по заслугам всем, кто опорочил свою бессмертную душу, поддавшись на посулы плоти.

Берхард негодуяще фыркнул:

– А самого Лотара пощадил! Вот уж точно, где заканчивается баронская душа, а где начинается обычная...

Он несколькими сильными ударами сапог растоптал костер, отчего слабый призрак тепла, который Гримберт пытался поймать скрюченными пальцами, рассеялся без следа.

– Пора спать. В этих краях не стоит долго палить огонь – никогда не знаешь, кто заглянет на огонек. Доброй ночи, мессир, и приятных сновидений.

* * *

Гримберт не знал, когда они встали, но судя по ледяной изморози на окрестных камнях и резкому порывистому ветру, рассвет либо только занялся, либо был на подходе. Судя по всему, Берхард не относился к тем людям, что любят много времени проводить в постели.

В этот раз не было даже огня, чтоб отогреть спрятанный за пазухой хлеб. Дрожа от холода, Гримберт тщетно пытался пережевать его, но это не принесло ему сытости.

– День будет долгий, – судя по интонации, Берхард придиричиво изучал видимую только ему панораму. – Со стороны Вдовьего Перевала облака идут и нам во что бы то ни стало надо их обогнать.

– Почему? – короткий сон не прибавил сил, а ночь высосала те немногие крохи тепла, что еще оставались в теле, так что Гримберт едва ворочал языком.

– Так облака из Прованса идут, со стороны Вальдблора. Или тебе, твое сиятельство, неведомо, что находится в Вальдблоре?

Гримберт напряг память, но толком ничего из нее не выудил. Здесь, на обжигающей высоте, отказывало не только тело, но и разум, которому не хватало воздуха и пищи.

– Нет.

– В Вальдблоре цех газовых дел мастеров. Не знаю, что они для графа производят, да только если окажешься в выхлопе из их труб, через три минуты посинеешь и раздуешься, как жаба на солнышке, а там уж шкура с тебя сама слезет...

Берхард не шутил, когда говорил о том, что день будет долгим. Он неустанно подгонял Гримберта, даже когда тот, совершенно выбившись из сил, растягивался на голом камне, точно забитая лошадь.

– Живее, – приказывал он, – Альбы ленивых не любят. А ждать я долго не буду. Если изволите подождать карету, так делайте это в одиночестве.

Он насмеялся над ним, сознавая свою силу и власть. Тут, в чертогах из ледяного камня, не Гримберт, а он, Берхард, был сеньором, поскольку определял чужую судьбу. Некоронованным владельцем горных пиков, коварных ледников и смертоносных пропастей. Но если он ожидал, что мессир слепой рыцарь останется лежать на камнях кверху брюхом, его ждало разочарование. Гримберт со скрежетом зубов поднимался и вновь брел вперед.

Темнота, бывшая его мучительницей и проклятьем, в кои-то веки проявила милосердие. Когда идешь вслепую, не видишь ни препятствий, которые тебя ждут, ни опасностей, которые подстерегают на пути. Просто переставляешь ноги, отмеривая равные расстояния пустоты. Это помогало ему тут, в горах.

Но еще больше помогала привычная молитва, состоявшая из семи слов. Гримберт монотонно повторял их про себя и, удивительное дело, это прибавляло сил. Или по крайней мере позволяло ему не сильно отставать от проводника.

Берхард делал остановки все чаще, но руководствовался при этом явно не милосердием. От Гримберта не укрылось то, как проводник надолго замирает, будто вслушиваясь во что-то. Как топчет ногами снег и растирает в ладони ком земли. Во всем этом был какой-то смысл, но понять его мог лишь тот, кто провел в Альбах достаточно много времени.

– Эти горы не любят дураков, – неохотно пояснил он однажды, когда Гримберт спросил его об этом. – У них для дураков запасено много сюрпризов. И хорошо бы нам ни одного из них не найти. Ладно еще Старика встретим, у него нрав суровый, но выжить можно, если закопаться поглубже. А вот Чертова Купель или Падуница...

– Что это такое?

– Чертова Купель – это смерть, и паскудная. Обычно она в низинках прячется, со стороны и не заметишь, если не приглядываться. Снег там на вид рыхлее, чем везде, и как будто синим немного отливает. А под снегом этим лед, тонкий, как тарелка. Кому повезет – пройдет и не заметит. А кому нет... – Берхард мрачно сплюнул: – От того разве что пуговицы найдешь. Кислота там подо льдом, и такой силы, что на глазах человека вместе с конем разъест.

– Кислота, – машинально поправил Гримберт. – Только откуда ей взяться в горах?

Берхард что-то проворчал себе под нос.

– Бог ее ведает, мессир. Слышал я как-то проповедь Теоглорифкатуса, епископа Аэритасургийского, когда он в Бра проездом был. Говорил он, это, мол, из каких-то старых хранилищ понатекло. Вроде как до войны были тут, в горах, такие хранилища, где всякая ядовитая химикалия собиралась, а потом, когда бомбами накрыли, оно все и того...

Гримберту рефлекторно захотелось провести ладонью по снегу, чтоб убедиться, нет ли под ним хрупкого льда. Но он поборол это желание. Его глаза – это Берхард. Если проводник ошибется, то на слепого и подавно надежды нет.

– Почему ты остался в Бра после мятежа? – спросил он.

Берхард крикнул. Видно, не ожидал подобного вопроса.

– А что мне еще делать было? Из моей сотни после Ревелло и не уцелел никто. Обратно в Жирону собираться? Так уже и возраст не тот, чтоб палицей махать. В горах тут оно как-то проще... А вот тебя-то, мессир, как в Салуццо занесло? Почему в родные края не вернулся?

Берхард имел право на подобный вопрос, крайне неудобный при всей своей простоте. На всякий случай подходящий ответ давно был заготовлен Гримбертом именно на этот случай. Вполне простой ответ, который удовлетворил бы не очень сообразительного и не въедливого человека. С другой стороны, зная дьявольскую интуицию проводника, он опасался, что Берхард может нутром ощутить ложь или недосказанность.

– Не вернулся, как видишь.

– Ты выжил в Похлебке по-Арборийски. Не глаза, так хоть голову сохранил. Так отчего ты еще не в Турине, мессир?

Вопрос был задан непринужденно, словно бы нехотя, но Гримберт уже достаточно хорошо знал своего спутника, чтобы понимать – случайных вопросов тот не задает. Не та порода.

– Не думаю, что это должно тебя интересовать, – холодно ответил он.

– А я вот думаю, что должно.

Гримберт слышал, как Берхард, кряхтя, наклонился. Судя по донесшемуся звяканью щебня, проводник взял в руку небольшой камень. Раздался отчетливый щелчок пальцев – и вслед за этим тишина. Лишь спустя несколько долгих томительных секунд Гримберт услышал где-то далеко внизу и справа легкий гул – камень наконец встретил препятствие. С замиранием сердца он понял, что стоит на краю пропасти, от которого его, быть может, отделяет всего один шаг.

– Альбы – не просто горы. Это моя работа, – пояснил Берхард спокойным тоном. – Но всякий раз, как я поднимаюсь вверх, я хочу быть уверен, что вернусь домой. Так что мне всегда важно знать, что меня ждет и к чему надо быть готовым. Так вот, мессир, я хочу знать, что меня ждет и к чему надо быть готовым.

– Ты спрашиваешь это у слепого? – с преувеличенной горечью поинтересовался Гримберт. – Хочешь, я буду идти впереди и разведывать путь?

Он попытался пройти мимо Берхарда, но это ему не удалось – тот каменной рукой пригвоздил к месту его клюку. Вроде бы и не грубо, но вполне однозначно.

– Ты дергаешься с первого дня пути, не думай, что я не заметил. У человека есть много причин нервничать, когда он в Альбах, но у тебя, мне кажется, на одну причину больше. И мы не пойдем дальше, пока я про нее не узнаю. В Альбах люди не лгут друг другу, помнишь?

Гримберт выдохнул воздух, стараясь сохранять спокойствие. Не самое простое занятие, когда знаешь, что стоишь на краю бездонной пропасти, ледяное дыхание которой заставляет дрожать даже вечную ночь, которая клубится вокруг тебя.

– Хочешь узнать мою биографию? – язвительно осведомился он.

– Нет, только то, как ты выбрался из Арбории и каким ветром тебя занесло в Салуццо.

– Дурным ветром, мой друг. Почему тебя интересует именно это?

– Со времен Похлебки по-Арборийски миновало полгода. Но ты до сих пор не в Туринской марке. Почему?

«От этого человека не удастся отделаться уклончивыми ответами, остротами и метафорами, – понял Гримберт. – Этот арсенал годился против совершенно других людей, но не против «альбийских гончих». Если Берхард не будет удовлетворен тем, что услышал...» Он вновь вспомнил далекое звяканье брошенного в пропасть камня и ощутил сосущую холодную пустоту где-то в животе.

– Ладно, – вслух произнес он. – Я расскажу.

– Тогда начинай с самого начала. Со штурма.

Гримберт вспомнил гудящие от жара улицы города. Скрежет сминаемых боевыми машинами зданий. Пулеметный лязг, от которого рассыпаются шеренги пехоты. Застывшие силуэты рыцарей.

– Штурм... Для меня он закончился сразу за воротами, – Гримберт издал смущенный смешок – Какой-то мерзавец лангобард подорвал мой доспех, я даже спохватиться не успел, как меня контузило.

– При контузии глаза не вышибает, – со знанием дела заметил Берхард. – Или это до тебя лангобарды добрались?

– Так и есть. Прежде, чем меня отбила пехота, лангобарды успели... поразвлечься.

– Твое счастье, что не выпотрошили заживо. Ребята в тех краях суровые.

– Мое счастье, – согласился Гримберт. – Только на том оно и закончилось. Я состоял в знамени маркграфа Туринского.

– Под самим Пауком ходил, значит?

– Да. Под Пауком. Но его «Золотой Тур» погиб – и он вместе с ним. За один бой я потерял не только доспех и глаза, но и сеньора, которому служил.

– Ты же рыцарь, – в устах Берхарда это слово звучало непривычно. Возможно, оттого, что он был первым человеком, встреченным Гримбертом, который не вкладывал в него ни толики уважения или восхищения. – У тебя должны быть слуги. Пажи, оруженосцы, сквайры...

– Все погибли.

– А прочие рыцари? Или среди вашего брата помогать друг другу не принято?

– Прочие... – Гримберт скривил губы в улыбке. – Почти все туринские рыцари погибли там же. А у тех, кто выжил после штурма, и без того было слишком много хлопот. Единственное, о чем я мечтал, – убраться из города до того, как лангобарды оправятся и возьмутся за ножи.

– Может, и зря бежал. Я слышал, новый бургграф быстро навел там порядок. Лангобардов быстро приструнили.

– Бургграф?

Берхард ухмыльнулся.

– Не слышал? Императорский сенешаль в своей мудрости назначил городу нового управителя.

Алафрид. Еще одно имя из прошлого, резанувшее кишки острым зазубренным ножом. Мудрый старик.

«Полагаю, вы в своем праве, – сказал он. – Я вызову специалиста».

«Не стоит, – спокойно ответил Лаубер. – Полагаю, справлюсь и сам».

Он справился, хоть и не сразу. Этот прирожденный интриган не обладал навыками пыточных дел мастера, зато обладал великим запасом терпения и хладнокровности.

Гримберт попытался заблокировать это воспоминание, пока оно не открылось в его памяти кровоточащим рубцом, обнажая прочие, что последовали за ним, но поздно. Он вспомнил.

* * *

Темнота, в которую он был заточен, была страшна и губительна, она отняла у него мир, но при этом была по-своему услужлива. На свой страшный манер. Подобно театральной сцене, не освещенной светом ламп, она была способна в мгновение ока вызвать все необходимые декорации, реквизит и актеров, легко воскрешая любое воспоминание.

Этот спектакль ей приходилось давать уже многократно. Десятки, может даже сотни раз.

Он вновь увидел, точно наяву, большую неухоженную залу. Увидел себя – распростершегося на полу с отшибленным стальным сапогом нутром, тихо скулящим от боли. Увидел растерянного Алафрида и спокойно взирающего на него Лаубера.

– Не стоит, – сказал Лаубер. – Полагаю, справлюсь и сам.

Тогда он и закричал. Это был уже не крик ярости – крик отчаяния. Словно в душе его, изрезанной осколками и истекающей кровью, сработало что-то сродни механизму экстракции снаряда, изрыгнувшего наружу в окружении едкой пороховой копоти все разочарование, все отчаянье последних дней, всю мелкую дрянь, что скапливалась там последнее время...

– Не будем затягивать, – граф Лаубер приветливо улыбнулся ему, но глаза его, как обычно, остались холодны и бесстрастны. – Тем более, что я взял на себя смелость захватить все необходимое.

Один из его слуг с готовностью водрузил на стол поднос из нержавеющей стали, заполненный чем-то, что Гримберт не хотел видеть, но одним лишь взглядом вдруг ухватил все до мелочей. И кости в его теле, крепкие молодые кости, способные легко переносить тряску внутри бронекapsулы, и чудовищные перегрузки вдруг сделались сахарными, быстро тающими.

Его тело поняло еще прежде него самого. То, что приготовил для него граф Лаубер, перестало быть умозрительной стрелкой в большой и сложной схеме сродни тем, что чертил он сам, изобретая ловушки для недругов. Она сделалась реальной. Она уже была здесь, в этой зале, уютно устроившись на стальном подносе, и терпеливо ждала.

Чуда не произойдет, вдруг понял он. Он может молить Господа на любом языке, в любом спектре радиодиапазона на всех волнах, тщетно. В залу не войдет, грозно лязгая шпорами, императорский гонец со спасительным письмом. В нее не ворвется, издавая боевой клич, туринская пехота. Господь Бог не обрушит на многострадальную Арборею разрушительную бурю.

Ничего не будет. Его ослепят – прямо здесь и сейчас. И вся хитрость Паука будет беспомощна его спасти.

Он был слишком оглушен, чтобы использовать последний оказавшийся в его распоряжении шанс на спасение. Прыгнуть к ближайшему стражнику, пока тот не опомнился, вытянуть из его ножен кинжал и... Нечего и думать перерезать глотку Лауберу, но, может, он успеет всадить его себе в грудь, чтоб избежать если не позора, то боли... Жить до скончания веков увечным слепцом, лишенным титула, обреченным побираться милостыней, рассказывая про славные битвы, в которых он побывал? Нет уж, господин граф, благодарю покорно...

Он не успел даже дернуться, как все уже было кончено.

Кто-то неожиданно цепко ухватился за его гамбезон со всех сторон сразу. Кто-то проворно стиснул подбородок твердыми, как закаленная сталь пальцами, кто-то засопел в спину, сноровисто срезая остатки дорогой ткани, точно старую мешковину. Его вытащили из собственной одежды, точно вылущенный орех, и мгновенно прикрутили к ближайшему столу.

Стол был не специальный вроде тех, что используют императорские хирурги во время операций, – обычный письменный стол, неведь сколько лет медленно дряхлеющий в здешней зале, колченогий и скрипящий. Но все еще чертовски тяжелый и крепкий, как Гримберт понял мгновением позже. Эта дрянная старая развалина мгновенно расцарапала его обнаженную спину коростой облезавшего лака. Но он даже не заметил этого – в груди клокотал ужас, похожий на крутой соленый кипяток, заставляющий тело судорожно дергаться в путах. Путь были из мягкого каучука, похожие на те, что составляли амортизационную сетку внутри бронекapsулы. Только в этот раз заботливые руки графских слуг натянули его отнюдь не для его безопасности...

Граф Лаубер легко провел рукой по инструментам, лежащим на подносе. Они выглядели зловещими даже в неподвижности, напоминая, скорее, инструментарий пыточных дел мастера, чем хирурга. Гримберт ощутил, как в горле скапливается горькая желчь. Он не имел представ-

ления об этом ремесле, но внешний вид инструментов сказал ему все необходимое об их предназначении. И даже более того.

Лаубер не стал брать ни хищно изогнутых кюреток, ни стилетообразных троакаров, ни хищных корнцангов. Вместо этого он взял с подноса небольшой нож на длинной рукояти с коротким тупоносим лезвием. Он выглядел не страшным, совсем не похожим на боевые ножи, тесаки и стилеты, которые созданы специально для того, чтобы кромсать чужие внутренности, напротив, в его облике было что-то обыденное. Пожалуй, он напоминал нож для рыбы, хорошо известный Гримберту, этого неперменного спутника всех застолий и пиров, который обычно располагается третьим слева от тарелки. Но Гримберт знал, что это ощущение обманчиво.

Ланцет. Вот как называлась эта штука.

Граф Лаубер взял его в руку нежно, как золотую рыбку, при этом на его бледном лице на миг возникла легкая полуулыбка. Это не было улыбкой садиста, ждущего возможности пролить кровь, это была улыбка музыканта, который привыкает к ощущению инструмента в руке, еще не сделав попытки извлечь из него мелодию. Но уже ощущающего эту мелодию, растворенную в воздухе.

– Господа рыцари часто презирают маленькие клинки, – негромко произнес он. – Мне же они, напротив, симпатичны. Позволяют сделать работу с минимумом кровопролития.

При одной мысли о том, что этот маленький стальной хищник в пальцах графа сейчас устремится к его глазам, Гримберт ощутил, как обмякают до медузообразного состояния его внутренности, секундой раньше напряженные настолько, что едва не лопались.

– Алафрид... – от страха язык его прыгал во рту, едва не попадая под клацающие зубы, точно змея, извивающаяся под конскими копытами, – Алафрид, довольно, прекрати этот... это... этот спектакль. Да, я крупно влетел, признаю, я вел себя как мальчишка. Я поддался ярости, меня обуяла гордыня, я... Я совершил порядком грехов за последнее время и раскаиваюсь.

Алафрид взглянул на него. Сгорбившийся, потерявший с возрастом по меньшей мере пару дюймов роста, сейчас он казался ему, привязанному к столу, великаном размером с доспех сверхтяжелого класса. Но не блестящий свежей краской и маслом, а неимоверно старый, с трудом выдерживающий собственный вес.

– Извини, – он медленно покачал головой. – Извини, Гримберт.

Извини, Гримберт, ты был славным мальчуганом, но этот человек сейчас вырежет тебе глаза этим самым ножом, а я собираюсь стоять и наблюдать за этим увлекательным зрелищем.

– Алафрид! – в его мочевом пузыре забурлила смола, – Алафрид, Бога ради! Я же сказал, я раскаиваюсь! Я приму покаяние! Я... я принесу извинения императору. Надену чертово грязное рубище и буду ползать у него в ногах, моля о прощении! Я щедро заплачу всем вдовам и сиротам, потерявшим отцов в Арбории! Я построю собор, я...

– Мне казалось, я предупреждал тебя, Гримберт. Престол больше не может закрывать глаза на твои выходки. Боюсь, теперь этой возможности будешь лишен и ты.

Смысл этого жуткого каламбура дошел до него не сразу – обмирающий от ужаса мозг агонизировал внутри своей тесной костяной клетки, с трудом переваривая все поступающие извне сигналы. Но блеск ланцета в пальцах графа Лаубера он замечал отлично.

– Алафрид... – он вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха. – Дядюшка Алафрид, молю, я...

Граф Лаубер поднес к глазам ланцет. Он уже не улыбался, но отчего-то казалось, что лицо его состоит из того же материала, из которого создан клинок. Нержавеющая сталь, еще хранящая на себе холод медицинского автоклава.

Ему все казалось, что он может нащупать какие-то кодовые слова, которые превратят этого каменного голема, безучастно взирающего за пыткой, в знакомого ему дядюшку Алафрида. Того, который когда-то шутливо бранил его за шалости, угощал солеными конфетами

из Константинополя с причудливым вкусом и ужасно смешно изображал дикого кельта, топая ногами и громко рыча. Но он не мог найти этих слов и чем больше старался, тем отчетливее ощущал, что те, должно быть, давно рассыпались в труху.

Гримберт всхлипнул. Он больше не боялся за свою честь. Честь рода маркграфов Туринских больше не была сияющими стальными пластинами, защищающими его, закаленная сталь сползала, превращаясь в хлюпающие комья липкого вара. Он боялся за свои глаза.

– Дядюшка... Алафрид... Я никогда... Я клянусь, что...

Алафрид вдруг мягко положил руку ему на плечо. За последние дни она так истончилась, что походила на невесомую птичью лапку. Это не было жестом поддержки, это было жестом утешения.

– Извини, но нет. В этот раз тебе придется вытерпеть это, Гримберт.

В его голосе была мягкая укоризна. Не злость. Так говорят с ребенком, прося его потерпеть неприятную, однако необходимую процедуру. Так он сам говорил с ним когда-то в детстве, когда, будучи его наставником, порол розгами пониже спины за очередную проказу в компании дворцовых пажей или невыученный урок по латыни.

Граф Лаубер осторожно кашлянул в ладонь.

– Если вы не возражаете... – мягко произнес он.

Он приближался бесшумно, хоть и походил на мраморную статую. Бесшумно и мягко. Ланцет – крохотный кусочек стали меж пальцев – не дрожал. Словно его наводили на цель самые совершенные баллистические вычислители из всех, что существуют в природе. Холодные спокойные глаза графа Женевского.

– Рот, будьте добры. Шум будет отвлекать меня. К тому же может принести дополнительные мучения. А я не хочу причинять господину марк... нашему Гримберту больше боли, чем требуется для одной простой операции.

Гримберт стиснул зубы, но люди, прислуживавшие Лауберу, точно вышколенные лакеи за столом, несомненно обладали отменными навыками в такого рода делах. Кто-то особенным образом нажал крепкими пальцами на узлы под челюстью, отчего рот его распахнулся вдруг сам собой. В него тотчас затолкали плотно свернутый кусок полотна, отвратительный на вкус и издающий невыносимый запах старого кислого тряпья. «Точно клочок хламиды давным-давно сгнившего святого», – подумал Гримберт, ощущая, как этот запах забирается в его носоглотку и распространяется по всему телу, пропитывая трепещущие от ужаса кишки.

– Мне никогда не приходилось практиковать подобные операции, – граф Лаубер ободряюще улыбнулся ему. – Но я проштудировал некоторые труды венецианских лекарей и обнаружил, что это не так тяжело, как принято считать. Видите ли, венецианская школа в этом деле различает три вида техник – эвисцерация, энуклеация и эвисцероэнуклеация. Не правда ли, причудливые названия? Похожи на имена сказочных нимф...

Лаубер нагнулся над ним, и Гримберт ощутил запах духов, исходящий от него. Тонкий, едва ощутимый, совсем не похожий на те оглушающие ароматы, которыми щедро заливали себя придворные в Аахене. Что-то легкое, не претенциозное, даже легкомысленное. Еловая сосна, ромашка, сырой мох...

Раньше он никогда не ощущал этих запахов. Раньше ему никогда не приходилось находиться так близко к своему заклятому врагу.

– Эвисцерация – это удаление всего тела глаза с его внутренним содержимым при сохранении наружной оболочки глазного яблока или, как выражаются лекари, *bulbus oculi*. К сожалению, это не наш вариант. Во-первых, я не лущу себе, едва ли мне хватит подготовки для этой сложной операции. Во-вторых... – граф Лаубер улыбнулся. – Это не вполне отвечает поставленной задаче.

Гримберт рванулся в путях. С такой силой, что вырвал бы из суставов плечи, если бы его предусмотрительно не связали при помощи гибких ремней. «Дернуться изо всех сил, – поду-

мал он, – чтоб лопнул какой-то внутренний сосуд, позволив мне милосердно истечь кровью прямо на этом столе. Или свернуть себе шею, или...»

Сразу несколько рук стиснуло его голову, намертво зажав ее в неподвижном положении, точно в тисках.

– Эвисцероэнуклеация – это та же эвисцерация, но с иссечением заднего полюса глаза и пересечением зрительного нерва, – граф Лаубер плавно провел ланцетом в пустоте, и Гримберту показалось, будто он услышал тихое шипение рассеченных волокон воздуха. – Элегантно, но не вполне то, что мне нужно. Остается энуклеация. Удаление глазного яблока с отсечением глазодвигательных мышц и рассечением зрительного нерва. Я думаю, на этом мы и остановимся.

Гримберт захрипел, пытаясь вытолкнуть изо рта кляп. Возможно, если ему удастся откусить себе язык, вызвав достаточно сильно кровотечение...

Не удастся. Лаубер спланировал все аккуратно и просто. Все учтено и ни единого лишнего штриха. Идеальный план. Почерк мастера. Гримберт ощутил, как в его хлюпающих глазницах скапливается какая-то горячая влага, стекающая по вискам. Может, кто-то из подручных Лаубера незаметно прыснул на кожу обезболивающий состав, чтоб облегчить его страдания. Совсем не в характере графа Женевского, ведь он собирается испытать каждую каплю его боли, медленно и со вкусом.

«Это слезы, – вдруг понял Гримберт. – Я плачу. Мои несчастные глаза в защитном рефлексе пытаются исторгнуть из себя жидкость, как будто это может их спасти. Как глупо...»

Граф Лаубер наклонился над его лицом. Аромат еловой сосны, такой тонкий, что был почти приятен, сделался гуще.

– Слезы... – задумчиво произнес он. – Как это... интересно. Словно ваши глаза, дорогой Гримберт, изливают из себя то, что им не суждено потратить. Или то, от чего они не могли избавиться на протяжении многих лет...

Где-то поодаль недовольно кашлянул императорский сенешаль.

– Берите то, что вам принадлежит, и заканчивайте, – резко приказал он. – Права пытать пленного я вам не давал. Будете медлить, я позову своего человека и он сделает все в минуту.

– Конечно, господин сенешаль, – Лаубер покорно склонил голову. – Уверяю вас, эту задержку я сделал не по злему умыслу. Просто прикидываю, как лучше начать.

– Так начинайте! Начинайте, черт вас возьми!

Граф Лаубер вздохнул и поднял ланцет повыше.

«Будет больно, – подумал Гримберт. – Будет чертовски больно. Будет невыносимо».

– Я постараюсь сделать все быстро и без лишней боли, – заверил он. – Можете положиться на меня.

Он солгал.

* * *

Граф Лаубер солгал. Он потратил чертовски много времени. Безумно много. Больше, чем прошло времени от сотворения мира. Больше, чем Гримберт когда-то мог себе вообразить.

Может, он в самом деле не был специалистом в том деле, которым занимался, а может, – Гримберт был уверен в этом, пока сохранял способность мыслить, – пытался как можно дольше растянуть его мучения, а может, даже свести его с ума.

Если так, он был близок к этому. Может, ближе, чем сам подозревал.

Время от времени он отходил от стола, и тогда боль, остервеневшими хорьками пировавшая в его глазницах, как будто немного стихала. И тогда ненадолго, всего лишь на миг, возвращалась способность мыслить, отчего делалось еще хуже. Он вспоминал, кто он и где

находится, на что обречен, и вновь пытался кричать. Выворачивать душу в отчаянном визге, который не мог даже вырваться из груди.

Это больше не было мольбой о помощи, не было проклятьем, не было молитвой. Это был животный визг, рожденный не сознанием, а бьющимся в агонии телом, последом боли, которая была рождена в его теле и теперь терзала его, как плотоядные личинки методично терзают еще теплую плоть живой, но парализованной гусеницы.

Страшнее всего был первый миг. Тот, за которым, ужалив его огненным змеиным языком в глазной нерв, пришла тьма. Сперва в левый глаз, потом в правый. В этой темноте, как в концентрированной кислоте, вдруг растворилось все сущее.

Напряженный Алафрид. Старая зала с осыпающейся штукатуркой, превратившаяся в пыточный чертог. Сам Лаубер, вдохновенно разглядывающий ланцет. А потом и весь мир.

Как будто Господь повторил слово, произнесенное Им в первый день, отчего свет, зажженный неисчислимые века назад, вновь померк, а небо вдруг обратно объединилось с землей, превратившись в безвоздушное пространство, но не разреженное, как космический вакуум, а тяжелое и плотное, точно состоящее из колючего сбившегося войлока.

Какой-то миг Гримберту казалось, что он все еще видит, пусть и сквозь обжигающие багряные сполохи боли, отказываясь себе признать в том, что эти смутные образы рождены лишь его воображением. Лица смазались, рассыпались и утонули.

Лаубер мог быть бессердечным ублюдком из ледяного мрамора, но в одном ему нельзя было отказать. К своей работе он относился очень серьезно. Работал он молча, сосредоточенно, делая вздохи через равные промежутки времени. Не осыпал проклятиями непривычный инструмент, не чертыхался, не выказывал никаких признаков нетерпения. Если до Гримберта и доносились какие-то звуки, кроме скрежета стали в его собственных глазницах, то только лишь сосредоточенное дыхание Лаубера.

Лишь однажды за все время операции он произнес:

– Что ж, я ожидал, что все пройдет не совсем гладко. Признаться, я не совсем доволен результатом. С другой стороны... Что ж, определенно недурная работа.

«Результатом, – подумал Гримберг. – Он не совсем доволен результатом.

Проклятый перфекционист. Ледяной голем».

На несколько секунд боль, бурлящая в его черепе гейзерами из раскаленной ртути, отступила, вернув ему способность сознать мир, но уже четырьмя чувствами вместо привычных пяти.

Не совсем доволен результатом. Не совсем доволен результатом. Не совсем...

«Когда я доберусь до тебя, ты будешь счастлив вырвать свои глаза собственными же пальцами, чтобы преподнести мне на блюде. Я обреку тебя на такие страдания, что даже жестокосердные сарацины, знающие тысячи способов мученической смерти, испытают ужас. Я использую на тебе все пытки, которые суждено было пережить великомученикам, в такой последовательности, которая поможет тебе как можно дольше оставаться в живых. Я...»

Но боль вернулась, оборвав мысли, хлещущие по своду черепа окровавленными дымящимися хлыстами. Забрала у него способность мыслить. Вновь превратила в извивающееся лишенное рассудка существо, дергающееся в ритме одному ему только слышимой музыки.

Боль.

Собственный визг раздирает горло. Что-то теплое капает на грудь. Что-то твердое и холодное скрежещет о кость глазницы.

Боль.

Она сперва льется на него раскаленным ручьем, потом превращается в обжигающий поток, в котором тают мысли и само сознание, оставляя лишь бьющееся в пароксизме страдания тело.

Возможно, Лаубер не был таким уж хорошим специалистом, каким хотел выглядеть. Он действует слишком медленно и в полном молчании, в те короткие мгновения, когда боль отползает, оставляя Гримберта задыхаться на столе, обретая на краткий миг возможность чувствовать, слышно лишь звяканье стали о сталь. Лаубер работает молча. Он сосредоточен и спокоен. Гримберт видит его сдержанное лицо и немигающие глаза. Видит, как он заносит ланцет. Видит...

В какой-то момент боли становится так много, что она перестает уместиться сперва в голове, потом во всем Гримберте. Она хлещет наружу, затапливая собой весь город, весь мир, всю обозримую Вселенную, всю...

Гримберт ощутил, что кто-то трясет его за локоть.

– Опять благословением Святого Бернарда прихватило? – в грубоватом голосе Берхарда даже послышалось что-то вроде сочувствия. – Вина дать, что ли?

* * *

Гримберт отрывистым кашлем прочистил горло.

– Голова закружилась, – выдавил он. – Сейчас пройдет.

Он слишком часто видел этот спектакль за последнее время. И слишком часто был его главным действующим лицом. Даже сейчас, когда наваждение, спугнутое Берхардом, отступило, он все еще ощущал на губах застоявшийся воздух залы, липкий от его собственной крови, слышал шорохи голосов, принадлежащих людям, которых не было вокруг...

– Значит, Арбория получила нового владельца? – делано небрежным тоном осведомился он. – Не знал.

– Получила, мессир. И, представь себе, не из тех, кого прочили. Мало того, вообрази, самого настоящего лангобарда. Он, конечно, отрекся от ереси, раскаялся во грехах, крестился и обрел веру, но знаешь ведь, как говорят о варварах...

– А как зовут нового бургграфа? – спросил Гримберт с каким-то странным, тянущим в груди чувством.

– А? Бес его знает ихние варварские имена... Клайв? Или, может, Клейв...

– Клеф?

– Может, и так, – согласился Берхард, – Может, и Клеф. Перековался, значит, безбожник проклятый. Всю жизнь христиан резал и богомерзкие ритуалы справлял, а как пламя от Арбории задницу припекло, так враз заделался таким христианином, что Папа Римский по сравнению с ним не святее конюха... Эй, на ногах-то держишься, мессир? Сам бледный, как снег, смотреть тошно...

– Голова кружится, – сухо сказал Гримберт. – Бывает. Значит, лангобардский князек присягнул короне и сделался владельцем Арбории?

– Да, этот Клеф нынча тамошний хозяин, – Берхард по-лошадиному фыркнул, вложив в этот звук не то презрение, не то зависть. – Лангобардское отродье, ан гляди, выхватил у Господа Бога сладкое яблочко... Я так думаю, что господин сенешаль его не от большой любви наградил. И не оттого, что поверил в раскаяние.

– А от чего тогда?

– Каждый хозяин птичника знает, когда кормишь гусей, не кидай крупных кусков, не то они через этот кусок непременно поссорятся и начнут топтать друг друга. Арбория, я так думаю, и есть такой кусок. Чем терпеть грызню среди своих, лучше отдать вкусный кусок чужаку и через то получить его верность. Вот увидишь, мессир, прощенный Господом Богом и императором, Клеф как новоявленный христианин не замедлит предоставить престолу новые доказательства своей верности. Будет ссуживать императорский двор деньгами, выполнять малейшие прихоти короны, а уж перед Святым Престолом будет выстилаться, как может.

Давать разрешения на новые монастыри, щедро одаривать монашеские ордена землями и золотом, платить десятину... Да и сожри его дьявол, этого Клефа. Что там с тобой дальше-то было?

– А?

– Сбежал, значит, из Арбории, а дальше-то как?

Дальше... Дальше... Гримберт попытался сосредоточиться на этих словах, чтоб прогнать из тела проклятую слабость.

– Дальше мне повезло. Посчастливилось наткнуться на остаток роты эльзасских кирасир, они направлялись на побывку в Монферратскую марку, ну и предложили мне место в обозе. Даже кормили по дороге.

– Эльзасцы – хорошие парни, – одобрительно проворчал Берхард. – Понятно, отчего помогли. У них покровительница – Святая Одилия, тоже слепая. Видать, решили, что добрый знак...

– Учитывая, что возвращалось их вдесятеро меньше против того, сколько уходило на штурм, им пригодятся добрые знаки, – согласился Гримберт. – Так я и оказался в Казалле-Монферрато.

– Говорят, милое местечко.

– Ровное и хорошо пахнет. – Гримберт не был уверен, способен ли Берхард разбирать злую иронию сказанного, потому улыбаться не стал. – Я не собирался там задерживаться. Оттуда до Турина – каких-нибудь восемьдесят миль, да все по дороге, даже слепой дойдет. Но...

– Дай угадаю – не дошел?

– Дошел только до границы между Туринской и Монферратской марками. Как оказалось, новый маркграф Туринский взялся делить с окрестными сеньорами ввозные пошлины, а пока не поделил, запер все границы на замок.

– Обычное дело. После Похлебки по-Арборийски в его казне небось дыр больше, чем в животе, в который полный заряд дроби вошел. Ну он и старается, значит, орехи лущит. И, видно, стараться ему еще долго, чертов Паук-то ему ничего, кроме долгов небось и не оставил...

– Придется постараться, – подтвердил Гримберт. – Но у него светлая голова, у нового маркграфа, он справится. Я слышал, Паук потратил немало времени, обучая его науке чисел, так что...

Берхард встрепнулся.

– Так, значит, правду болтают, будто бы новый маркграф, Гунтерих, был у Паука прежде конюхом?

– Кутильером, – поправил Гримберт. – Старшим оруженосцем.

Благодарение Альбам, здешний ледяной воздух быстро делает голос хриплым, можно не опасаться, что тот выдаст его чувства. Гримберт едва успел подавить едкий смешок. И уж точно их не выдадут его глаза, зеркало души...

Берхард присвистнул.

– Поди ж ты, оруженосцем... Ну и ну, мессир. Тут даже князишко Клеф от зависти удавился бы. Из оруженосцев в маркграфы, ну!

– Ты хочешь узнать, как я оказался в Салуццо или нет?

– Давай уж, слушаю.

– В этом чертовом Казалле-Монферрато я проторчал два месяца с лишком. Засел, как осколок в ране, ни туда ни сюда. До сих пор во рту привкус от тамошней воды. Паршивая там вода, Берхард, совсем дрянная...

– Это ты себе слизистую сжег, мессир, – хмыкнул Берхард. – Дело известное. Помилуй меня Бог тамошнюю воду пить, один чистый фтор...

– А ты думал, я поехал туда на лечебные воды? – Гримберт едва не рыкнул, но вовремя спохватился, сбавил тон. – Я хотел перейти тайком границу, но быстро сделалось ясно, что это непростое дело даже для зрячего. Пограничная стража свирепствовала так, точно поголовно была одержима лангобардским «Керржесом», превращающим людей в безрассудных садистов. Разъезды егерей, ловушки, капканы, секреты... Сунься я туда, живо остался бы не только без глаз, но и без головы в придачу.

– Ну, ты-то, кажется, не из тех, что сломя голову лезут, – мрачно хохотнул Берхард. – Может, потому до сих пор и небо коптишь.

– И что еще хуже, оставаться в Казалле-Монферрато я долго не мог. Там и поначалу не рай был, а уж потом... Торговые пути перекрыты пошлинами, цены на хлеб лезут до небес, мало того, выживший под Арборией сброд, хлынувший во все стороны, с голодухи начинал бесчинствовать. Начались грабежи, пожары...

Берхард понимающе хмыкнул.

– Из тебя даже нищий толком не вышел, мессир. А уж грабитель-то... Решил, стало быть, идти оттуда?

– Пока окончательно не сжег пищевод проклятым фтором. Решил, раз судьба не пускает меня на запад, обману ее, пойду на юг. Как знать, может, в Туринскую марку через Салуццо попасть будет проще.

Берхард равнодушно сплюнул. Судя по тому, что шлепка вслед за этим не послышалось, сплевывал он все в ту же пропасть.

– Зря решил, мессир. Как Арбория отгремела, туринцы все дороги перекрыли, не только с Монферратом.

Гримберт ответил ему усталым смешком.

– Жаль, я не знал этого раньше. Так я оказался в Салуццо. Отощавший, завшивленный, грязный, едва держащийся на ногах, я не собирался надолго здесь задерживаться. Горный воздух не для меня. Я собирался нанять проводника, чтоб тот тайными тропами перевел меня через границу, в Турин.

– Проводники просят плату за свою работу, – Берхард ухмыльнулся. – Чем ты собрался платить ему, мессир? Горстью вшей? Мозолями? Может, тряпьем, что на тебе надето? Или, может, собственным естеством? А что, тоже дело. Бра, конечно, не столичный Аахен, у нас тут по этой части нравы весьма простые, всяких хитрых изысков не знаем, но, как знать, раз уж из тебя не вышел ни нищий, ни разбойник, может, получился бы неплохой любовник?..

Гримберт испытал искушение поднять посох и обрушить его на то место, где предположительно должна была находиться голова Берхарда. Не стал и пытаться. Слепой человек делается медлителен и неловок, нечего и думать застать проводника врасплох. Возможно, раскроенная голова Берхарда утешила бы его, но ненадолго. Этот человек еще не исчерпал свой ресурс полезности.

* * *

– У меня были деньги, – спокойно произнес он. – Не очень много. Примерно двести денье.

– Скажи на милость! – вырвалось у Берхарда. – Изрядный капитал! Хотел бы я знать, мессир, где это ты умудрился сколотить его? Тебя признали королем уродцев на ярмарке в Локарно?

– Нет, – буркнул Гримберт, по-крысиному ощерившись. – Встретил по пути твою женушку. Пришлось поработать за тебя, но это того стоило. Представь себе, она дала мне по денье за каждый раз, когда ты был не в силах выполнить свой долг.

Дрянная шутка, неказистая даже по меркам городских калек, но Берхарду она пришлась по вкусу. Он искренне рассмеялся.

– Недурно, мессир. Кажется, ты выпил недостаточно целебной водицы из Монферрата, чтобы фтор растворил твой мозг без остатка. Ну, и где ты заработал свои монеты? Только не говори, что ты кого-то прирезал по пути.

– Я? Прирезал? – Гримберт поморщился, хоть и знал, что тряпица делает его лицо практически непроницаемым для чужого взгляда. – Взгляни на меня. Я слеп и изможден, и если мои кости все еще держатся вместе, то не потому, что их еще держат потроха, а потому, что смерзлись воедино. Кого бы я смог прирезать, скажи на милость? Кухонную мышь? Даже десятилетний ребенок легко справится со мной, хоть вооруженным, хоть нет.

– Ну, это верно... Однако где-то же ты заработал?

– Заработал, – Гримберт неохотно кивнул. – Скажем так, заложил... некоторые вещи, оставшиеся при мне с лучших времен. И нет, это была не золотая табакерка с вензелем императора. Кое-что... более личного свойства.

– Что?

Вместо ответа Гримберт мог бы стянуть плащ и те лохмотья, что прикрывали его торс. Чтоб обнажить хорошо знакомый ему самому шрам, тянущийся через грудину. Шрам был скверный, небрежный и рваный, он так толком и не зажил, превратившись в вечно воспаленный рубец, похожий на кровоточащую границу между двумя воюющими графствами.

Он колебался, но скидывать одежду не стал. В ледяном дыхании Альб это было бы чистым самоубийством.

– Правое легкое. Треть печенки. Почку. Немного спинного мозга и еще кое-что по мелочи.

Берхард хмыкнул.

– Легкие у нас всегда в цене были, – подтвердил он с какой-то непонятной гордостью. – Тут это ходовой товар. Там, где нет гор, сплошь фабрики. Поживешь рядом пару лет – сам легкие выплюнешь. В Альбах хоть дышать можно... Когда ветер подходящий. Только вот подешевил ты, мессир. Много ливера оставил и все по дешевке. Глядишь, поторговался бы – получил бы не двести денье, а полновесный флорин, а то и еще лиард сверху⁴.

– Я был не в том положении, чтоб торговаться, – сухо ответил Гримберт. – И я спешил. Мне удалось найти подходящего человека. Он обещал ночью на телеге с сеном провезти меня через границу, в Туринскую марку. Плату требовал серебром и вперед.

– И ты, конечно, заплатил.

– Что мне оставалось делать? Очнулся я в придорожной канаве с разбитой головой. Скорее всего, тряпье на голове смягчило удар, вот череп и уцелел.

– Вот уж точно счастливчик, – пробормотал Берхард. – Удача буквально ходит за тобой по пятам.

– Мне повезло дважды. Этот недоумок, видно, слишком спешил, обыскивая меня. Половина моих монет осталась при мне, спрятанная в подкладке плаща.

– Может, просто был слишком брезглив? – предположил Берхард. – Даже будь я последней блохой в Салуццо, и то не поселился бы в твоём плаще, разве что меня тянули бы в кандалах... Но ты и верно в рубашке родился, мессир. Среди нашего брата обычно заведено в таком случае бить насмерть.

Гримберт усмехнулся.

– Вот как? Что ж ты сам мне голову не раскрыл, когда была возможность? – спросил он. – Может, только потому, что я не заплатил тебе вперед?..

⁴ Флорин равен 240 денье; лиард (тройной денье) – 15 денье.

– Горный воздух идет тебе на пользу, мессир, – одобрительно проворчал Берхард. – Глазато, может, и не вырастут, а вот ума в голове больше сделалось.

Он шутил. Без сомнения, это была шутка. Но Гримберт ощутил, как у него за пазухой прошел короткий морозец.

«Это могло быть и не шуткой, – подумал он. – Вообще чертовски не шуткой. Может, Берхард и не намеревался отвести меня к Бледному Пальцу, вместо этого водит кругами вокруг Бра, искренне забавляясь моими мучениями и заставляя тратить силы. Просто вымещает на мне снедающую его зависть. Измывается над тем, кому раньше не смел даже чистить сапоги».

Думать об этом было невыносимо. И он старался не думать.

– Ну, а дальше все было просто, – сказал он вслух. – Брел вдоль канавы, пока не наткнулся на городские ворота. К моему счастью, это был Бра. А ведь мог замерзнуть где-то на полпути или сверзиться с обрыва, или...

– Или тобой закусили бы цверги.

– Кто?..

– Неважно, – злой смешок Берхарда сухо хрустнул, точно раздавленный подошвой пласт льда. – Может, еще познакомишься. Не буду портить впечатления. Ну и чем ты пробавлялся в Бра все это время? Клянчил милостыню?

Гримберт уклончиво кивнул.

– Когда милостыню, когда как. Иногда, когда пускали, мыл полы в трактирах. Хорошая работа. Глаза для этого не нужны, чище от мытья они все равно не становятся, а между тем сидишь в тепле, мало того, иногда получалось прихватить незаметно каких-то объедков. Когда в трактиры не пускали, было хуже. Иногда приворовывал на рынке, тащил, что придется. Иногда за весь день мне удавалось перехватить только горсть гнилых слив или сырую картофелину. Иногда, когда совсем живот подводило, лазил в помойные ямы. Зрячим нипочем не полез бы, а так... сносно.

– Почетные занятия для рыцаря, – хмыкнул Берхард. – Только о таком миннезингеры, пожалуй, песен не складывают.

– Наверно, не складывают, – согласился Гримберт. – Поверь, некоторые из них я и сам охотно забыл бы.

Берхард задумчиво поковырял сапогом камни.

– Пожалуй, я бы мог отвести тебя в Турин.

Это было неожиданное предложение. Или продолжение очень жестокой, безмерно затянувшейся, шутки. Гримберту стоило труда не издать удивленный возглас.

– Ты шутишь?

– Бароны не шутят, – ответил Берхард, но не понять, всерьез ли, – Туринские егеря дело свое знают хорошо, но в горы они предпочитают не соваться, не их это угодья, а в горах между тем есть уйма тайных троп. Через Моретту, например. Путь рискованный, но многим везет. Если, конечно, в серном источнике не сварись и егерям не попадешься, те шкуру живо снимут... Знаешь, как у них это там называется? «Туринский указатель»!

– Почему ты говоришь мне это?

– Потому что путь в Турин, бесспорно, опасен, но и вполнину не так опасен, как путь к Бледному Пальцу, – ответил Берхард, и тогда сделалось очевидно, что он говорил совершенно серьезно. – Что скажешь, мессир? В родных краях, говорят, даже дождь целебнее святой воды. Отъеешься, восстановишь силы, может, найдешь каких-нибудь приятелей или бывших слуг. Всяко лучше, чем блуждать по Альбам, ища невесть что.

– Но...

– Ты ведь не дурак, это я сразу смекнул, – Берхард понизил голос, как будто рядом был кто-то, кто мог их подслушать. – То, что ты ищешь под Бледным Пальцем... Ты ведь понимаешь, что эта штука может быть бесполезна. А на обратный путь у тебя попросту не хватит сил.

Так и сдохнешь, мессир. Если повезет, я назову в твою честь какой-нибудь маленький перевал. Перевал Слепого Дурака – как тебе? Вполне возвышенно?

Гримберт некоторое время молчал, слушая задумчивое бормотание ветра, терпеливо грызущего снег. Он знал, что Берхард не повторит своего предложения.

Вернуться в Турин. Да, слепым, беспомощным, лишенным положения, денег и слуг. Но всякий паук в своем логове делается стократ более опасным, это знают мальчишки-пажи, промышляющие охотой на них. Опасным и ловким. Да, он не оставил в прошлом людей, которые искренне желали бы ему добра. Но оставил многих, которые вынуждены были считать себя его должниками. Некоторые из них могли бы наделить его деньгами, другие – надежным укрытием, третьи – информацией и связями... Он сам не заметил, как под его пальцами начала сама собой возникать тончайшая паутина, похожая на переплетение векторов в визоре «Золотого Тура». В ней пока не было несокрушимой силы стальных тросов, способных ломать хребты, не было коварной вязкости, в которой, как в зыбучих песках, тонули самые упрямые его враги, не было математического изящества длинных уравнений. В ней не было многого, но...

Гримберт стиснул пальцы в кулаки, твердые, как ледышки.

Он не может позволить себе риск. Нет смысла лгать себе, Гунтерих, может, зелен и неопытен, но он в силу обстоятельств чертовски многое знает о методах Паука. Слишком уж часто сам выступал его доверенным лицом – клевретом, секретарем и слугой для особых поручений. Да, он никогда не был посвящен в его планы во всей их полноте, но у него юный пытливый ум, без сомнения, он сохранил многие детали, как память ребенка сохраняет сложный витраж, лишь однажды увиденный в церкви.

Зная, что Паук жив, что снедаем жаждой мести, Гунтерих на долгое время делается параноиком, видящим вокруг тянущиеся к нему лапы. Гримберт злорадно подумал, что эти страхи на долгое время лишат мальчишку сна и аппетита, а может, и потенции.

«Бойся, убудок, – подумал он. – Бойся каждую секунду своей жалкой жизни, страх придаст твоему мясу особенно пикантный вкус к тому моменту, когда ты наконец хрустнешь у меня на зубах. Бойся семи смертных грехов, Господа и Дьявола, но превыше всего бойся Гримберта, Туринского Паука...»

Слишком опасно. Пока Гунтерих насторожен, всякая попытка вернуться в родную вотчину сродни самоубийству. Нельзя забывать, что Турин больше не его вотчина. Не надежная крепость, в которой он может обрести отдых и защиту. Напротив – смертоносная ловушка, в которой он подвергает себя огромному риску.

Люди, которые вчера присягнули ему, уже спешат предложить вассальную клятву Гунтериху. Оставшиеся рыцари, сколько бы их ни было, считают за честь вступить в его знамя и провозглашают оглушительные тосты в его честь, упиваясь до смерти на придворных пирах. Черт, наверняка даже шуты в трактирах поют скабрзные песенки о дохлом Пауке, старом чудовище, и о светоносном Гунтерихе, молодом владельце, избавившем от него Турин.

Он не может вернуться в Турин. По крайней мере не сейчас. Его инстинкты, закаленные в сотнях интриг, вопиют об этом, точно зуммеры «Золотого Тура», предупреждающие об опасности. Но и существовать в своем нынешнем положении он долго не сможет. Глупо уверять себя в том, будто жизнь на улице способна закалить его, он сам знает, что это не так. Судьба не очень милосердна к паукам, выбравшимся из банки. Если что-то и может продлить его дни, то только то, что ждет его под Бледным Пальцем. То, что Гримберт избегал именовать даже мысленно, чтобы не накликал неудачу.

– Будем соблюдать уговор, Берхард, – наконец сказал он вслух. – Если бы я хотел попасть в Турин, я бы нанял тебя, чтоб ты отвел меня в Турин.

– Но тебе надо к Бледному Пальцу, мессир.

– Да.

– Так уж надо?

«Да, – мысленно ответил Гримберт. – Ты даже не представляешь, насколько, ты, чертова дворянка, мнящая себя гончей».

– Да, – ответил жестко Гримберт. – Так уж надо.

– Ты ведь не дурак, мессир. Та штука, что я нашел под Пальцем... Она могла простоять там дюжину лет. Или две дюжины. А ты несешься к ней сломя голову, будто это Святой Грааль.

Гримберт покрепче перехватил клюку и укутал подбородок в лохмотья, чтоб холод не обжигал легкие при вдохе. Он знал, что идти предстоит еще долго. Может, дольше, чем его тело сможет выдержать. Как знал и то, что не остановится до тех пор, пока сможет сделать очередной шаг.

– Для меня это и есть Грааль, Берхард. А что доведется пить из него, вино или мочу, мы посмотрим, когда дойдем.

Берхард усмехнулся, как будто услышал нечто в высшей степени забавное. И Гримберту вдруг показалось, что ледяная бездна-пропасть отодвинулась от его лица. Всего лишь морок, но...

– Пошли, – кратко приказал он. – Если будем как следует ворочать ногами, к вечеру доберемся до Палаццо, там и заночуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.